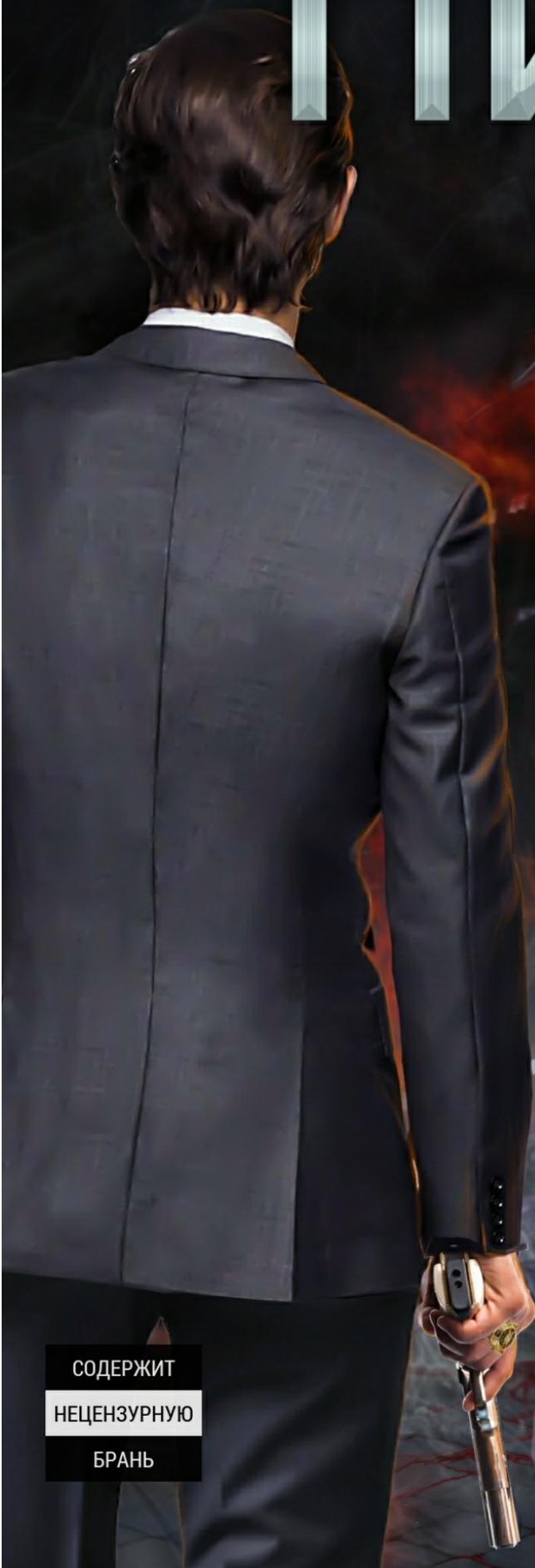

Айя Сафина

НИНА

ПАДЕНИЕ БАШНИ

КНИГА 4

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айя Сафина

Нина. Книга 4. Падение Башни

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сафина А.

Нина. Книга 4. Падение Башни / А. Сафина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2182-9

Разгром Пастаргаев рождает месть небывалой мощности, которая выливается в кровавые беспорядки по всему городу. Противостояние наркомафий набирает обороты и уже затрагивает правительственных чиновников. Эрик вынужден заключить перемирие с албанской мафией, которую рекрутирует загадочный враг. А в это время остатки Пастаргаев собирают последние силы, чтобы нанести финальный сокрушительный удар по империи Эрика. Но теперь опасность нависает и над Ниной, она сама становится объектом охоты. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2182-9

© Сафина А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1. Да начнется война	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

1. Да начнется война

Нога самовольно выстукивала чечетку. Ханна положила руку на колено, заставляя ногу взять себя в руки. Но вторая нога заразилась истерикой близнеца и тоже начала стучать каблучком. Ханна глубоко вдохнула, унимая стресс. Если тело продолжит выходить из-под контроля разума, никаких рук не хватит, чтобы успокоить все конечности и органы.

Даже легкий стресс заставлял Ханну мучиться от диареи. И сегодня, предвидя бунт собственного тела перед важным событием, она еще ранним утром выпила двойную дозу противодиарейного. Но теперь она уже мало доверяла советам фармацевтом, уверенно заявлявшим о супердейственном препарате от бессонницы, который этой ночью со своей задачей не справился. Если же и горсть пилюль противного болотного цвета провалят свою миссию, то Ханна рискует подпортить штаны вместе с уже загубленной репутацией.

Ханна ненавидела находиться в замкнутых пространствах офиса, и тем более, терпеть не могла официальные встречи и деловые беседы. Дайте ей табельный пистолет, наручники и значок, и она смело пойдет выполнять свой долг. Самое интересное, что, когда дело касается работы на улицах или тренировочных соревнований, нервы Ханны превращались в стальные, и тогда ей не было равных. Она валила соперников из пистолета с пятидесяти метров, и опережала товарищей по спринтерским забегам и длинным кроссам. Еще до поступления в полицейскую академию она получила пятнадцатый кхан с золотым пратьятотом – самая высокая степень рейтинга в тайском боксе. Ханна изо всех сил старалась быть лучшей во всем, потому что у нее не было выбора. Она либо будет наверху списка, либо вечным неудачником, презируемым за собственное существование.

Она была лучшей в компьютерном классе, и ей до сих пор предлагают место системного администратора полицейского управления – престижная должность специалиста по безопасности компьютерных систем и более, скажем так, приемлемая и уместная для Ханны. А еще уместнее для нее будет работа в миграционной службе, где ей, раз она так хочет выйти на поле, придется посещать места обитания мигрантов и прочих сомнительных личностей для проверки их паспортов и прав на местожительство. Секретарь или работник отдела кадров – вообще, красота, там ее просто заждались. Зачем тебе соваться к серьезным дядям?

Но для Ханны работа в отделе убийств всегда равнялась возможности выжить в жестоком мире, где правит шовинизм и прочие фобии превосходства. Людям претит возможность встретить столь ущербного человека, который окажется лучше них в каких-либо областях. Иной раз сотрудники полиции даже брезгают взглянуть на нее, как, например, эта секретарша на входе. Едва услышав фамилию Ханны, эта престарелая женщина скорчила такую гримасу, словно съела килограмм лимона и запила горчицей соусом. Она не удостоила Ханну даже взглядом и лишь жестом указала на стул в коридоре, где ей нужно ожидать разрешения капитана войти к нему в офис. Ханна уже привыкла к такой оскорбительной реакции нетерпимых людей, которые сами сеют ненависть в обществе, а потом звонят таким, как Ханна, и зовут на помощь, потому что их грабят и насилуют на улице. Может, вам стоит начать с самих себя, и хотя бы научиться контролировать мышцы на лице и не изображать отвращение к человеку? Никто не заставляет вас приглашать их на семейные ужины или помогать дотащить тяжелые сумки до машины. Вашего равнодушия будет достаточно.

– Офицер Юргис!

Грозный рык раздался из кабинета в дальнем конце коридора и вырвал Ханну из размышлений.

Ханна, как по команде, вытянулась по струнке и решительным шагом проследовала к двери с надписью «Капитан Элвин Фальк».

Ханна зашла в кабинет начальника отдела убийств и закрыла дверь.

Капитан Фальк дымил сигарой прямо на рабочем месте с закрытыми окнами и стонущей системой вентиляции. Кажется, даже она задыхалась от количества дыма на один квадратный метр.

– Доброе утро, сэр! – отчеканил Ханна самым натренированным солдатским голосом.

– Засунь свое доброе утро в зад того ублюдка, что убил третью бабу на бульваре Сансет! – прорычал Фальк в ответ.

Капитану было уже около семидесяти, это был грузный афроамериканец с густыми усами и трехдневной щетиной. Его рубашка пропиталась потом во всех видных местах и отдавала характерным запахом. Его страсть к сладкой выпечке привела ко второй степени ожирения, а табак добивал сердечную мышцу. Возможно, Фальк избежит выхода на пенсию и сразу отдастся в руки Господа.

Бульвар Сансет тянется на три километра в юго-западном районе и является самой крупной городской витриной проституток, выстраивающихся вдоль обочины на обозрение потенциальных клиентов. Вообще, с торговлей женскими прелестями интересная ситуация – они нелегальны, но когда едешь по бульвару Сансет, кажется, что здесь этот закон не действует. Бизнес сутенеров бесстыже процветал, и полиция могла лишь выполнять ежедневные квоты по отлову проституток и их хозяев. Но эта квота никогда не будет равняться тысяче людей в день, не хватит столько камер даже в десяти отделениях полиции. А потому работа полиции заключалась лишь в показательных порках да усмирении самых жестоких сутенеров и чересчур обнаглевших работниц. Ханна часто задавалась вопросом, зачем, вообще, запрещать этот вид бизнеса, если сами полицейские прибегают к услугам жриц любви.

Месяц назад на бульваре Сансет была убита Эжен – молодой новичок с чешских горизонтов. Она проработала всего пару месяцев, когда неизвестный нанес тридцать семь ножевых ранений ей в спину, пока наслаждался ею сверху. Спустя три недели была найдена Барбетта – молодая негритянка с восточных берегов Африки, метод убийства был один-в-один. Тогда ее причислили к списку жертв, а неизвестного убийцу повысили до ранга серийного маньяка.

По приветствию капитана Ханна поняла, что убийца совершил очередное злодеяние.

– Чего стоишь там? Сядь! – злобно прорычал Фальк.

Ханна была наслышана о его тяжелом характере, и это – еще одно «нет» на ее затею работать в отделе убийств.

Фальк оторвался от какого-то документа и презрительно уставился на Ханну.

Она затянула свои длинные светлые волосы в низкий тугий пучок, ее форма патрульного офицера была начищена и отглажена до безупречности и даже хрустела от крахмала. Она сидела с прямой спиной и гордо поднятой головой, всем своим видом выражая решительность и отвагу. Но в то же время она была уверена, что ее идеальность не спасет ее душу перед капитаном.

– Чего тебе надо в нашем отделе?

– Хочу ловить убийц, сэр! – Ханна говорила громко, четко и отважно. По крайней мере, ей так казалось.

– С чего ты взяла, что у тебя получится?

– Потому что я лучшая во всех дисциплинах академии по окончании года и мое рекомендательное...

– Ой, да замолчи!

Ханна закусила губу и бросила взгляд на стол перед капитаном: перед ним лежало то самое рекомендательное письмо от начальника полицейского участка, где Ханна в настоящий момент числилась патрульным. Ханну ободрило, что Фальк читал это письмо до того, как она села в кресло напротив. Это значило, что он не выкинул ее дело, едва прочитав фамилию на титульном листе. Он ознакомился с результатами учебы в академии, а также с достижениями по службе, пусть их было немного, но и в полиции она работает не так давно.

– Тут все написано так, словно ты – супермен! – проворчал он, небрежно бросив листки на дальний край стола.

Он подозрительно взглянул на нее и ухмыльнулся.

– Или супергерл? Или ты еще не решила? – спросил он с насмешкой в интонации.

Ханна раздраженно поджала губы и опустила глаза. Она была готова к подобной реакции. С тех пор как ее секрет раскрылся еще в академии, она быстро научилась выстраивать защитный барьер между собой и любителями осуждать других людей.

Фальк тяжело вздохнул и схватился за бок, скрючив гримасу боли. Ханна – милосердна и полна сострадания, но в этот момент она отчаянно желала, чтобы капитана схватил инфаркт. Того гляди, придет на его место более адекватный начальник, помоложе и с современными взглядами.

– К черту вас всех! Мне наплевать, чем вы занимаетесь во внеофисное время! – Фальк перешел на привычный громогласный и хриплый бас. – Но вот служба – это не отрезок времени с девяти до шести! Служба длится двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю до конца дней твоих! И свободного от службы времени не бывает! Хочешь работать здесь – знай, мне начхать на твои личные проблемы, психологические или социальные, неважно! Мне нужен результат!

Фальк залпом осушил стакан воды и снова глубоко затянулся сигарой, точно беря передышку в своем выступлении. Он жестом указал Ханне на кулер в углу. Офицер тут же поднялась со стула, взяла пустой стакан со стола и подошла к кулеру. Через несколько секунд стакан с водой стоял на столе капитана, а Ханна снова сидела напротив, ожидая продолжения речи.

– Извращенцев, садистов, маньяков, насильников, просто идиотов с пушками с каждым днем все больше! Общество сгнило до скелета, и мы здесь – последняя надежда на спасение от этой заразы! А потому здесь мне нужны не просто супермены, а гибриды супергероев и гениев вкупе со стойким отвращением к личной жизни! Потому что не будет у тебя времени на личную жизнь, я тебе гарантирую! Тебе ясно?

– Да, сэр!

Ханна воспрянула духом. Фальк однозначно не желал выгонять ее, а значит, готов дать ей шанс.

– У тебя один шанс!

Ханна снова закусила губу, но на этот раз, скрывая довольную улыбку.

– Профукаешь и двери в отдел убийств закроются перед тобой навсегда! Останешься патрулировать свои трущобы дальше! Тебе ясно?

– Да, сэр!

Фальк откинулся на спинку кресла и сделал очередную долгую и смачную затяжку.

– Есть у меня еще один псих, – уже спокойнее говорил Фальк. – Почему-то мне кажется, что у вас много общего. Он такой же социофоб, как и ты.

Ханна задержала дыхание. Капитан Фальк ставит ее в напарники! Он не предлагает ей бумажную работу в архиве или на побегушках у детективов, как она предполагала. Он дает ей шанс влезть в самую гущу событий, и этот факт обязывал ко многому! Ханна не имеет права на ошибку!

– Пойдешь в напарники Аларикку. Поработаете один день. Выдержишь – добро пожаловать!

И тут все радостное возбуждение как водой ледяной смыло. Страх спер дыхание, и Ханна даже не смогла что-либо ответить.

– Ну, чего сидишь? Пошла вон отсюда, пока я не передумал!

Ханна резко встала со стула и шеметом выбежала из кабинета.

Только оказавшись в коридоре, она перевела дыхание и усмирила свой взбунтовавшийся живот, а потом и вовсе поняла, что означает ее назначение на тренировку к Аларикку. Это

был не тест, это было ее уничтожение. И Фальк не дает ей никакого шанса, он просто хочет сделать все правильно с точки зрения бюрократизма. Чтобы профсоюз работников полиции не обвинил его в нетерпимости, он якобы принимает офицера на контрольно-проверочный рабочий день в центре событий отдела убийств. А к кому он поставит ее в напарники, это уже ни для кого не имело значения. Главное – буква закона соблюдена, и неважно, что лейтенант Рубен Аларик на самом деле играет роль действенного орудия устранения слабых новичков или нежеланных в отделе людей.

О лейтенанте ходили слухи по всем полицейским участкам, о нем даже знали в соседних городах. А все дело в методах расследований, что он применял. Сказать, что они были нестандартными, значит сильно преуменьшить заслуги Аларика в изобретательности. Он был невероятно скользким и подлым любителем нечестных игр, безжалостно подставляя под удар не только бандитов, но и своих коллег, отчего в собственной среде его принимали за предателя. Поговаривают, что однажды он подставил одного убийцу-наркодилера, обещая договориться с бюро о программе защиты свидетелей по его душу в обмен на организацию встречи с крупным перекупщиком. В конечном счете, перекупщик был пойман с поличным, и большая часть его сети была ликвидирована полицией. Но в результате перестрелки наркодилер-связной был убит из неизвестного пистолета, который так и не нашли на складе, где проходила встреча, а сумка с полумиллионом долларов странным образом исчезла. Но мало кто обратил внимание на столь тревожные факты, ведь капитан Фальк получил свой «результат», которым дорожил сильнее собственной разбухшей печени, и благодарность в дорогой деревянной рамке из рук мэра за поимку сразу двух крупных игроков наркосети.

Наверное, потому Фальк и не трогал особо Аларика, потому что оба находили преимущества из устоявшейся системы взаимоотношений: Аларик повышал цифры в отчетах до положительного результата, а Фальк, в качестве благодарности, закрывал глаза на его мошенничество.

Рубен Аларик умело совмещал в себе опытного копа и жадного коррупционера, и его собратья люто ненавидели товарища, который своим стилем работы очернял их девиз, требующий защищать честь и достоинство полицейского значка. Честно говоря, Аларик плевать хотел и на коллег, и на свой значок, и открыто заявлял полицейским, что они просто-напросто завидуют его успеху, потому что не умеют работать столь же эффективно, как и он. Процент раскрываемости преступлений у Аларика был самым большим в столице, а потому к ненависти с обеих сторон баррикад он уже давно привык.

И как же найти подход к такому человеку, который привык работать один, и которому напарник лишь мешает проворачивать черные дела? Стать их соучастником? Или выводить его на чистую воду? Ханна оказалась в тупике.

Молча обматерив капитана Фалька, Ханна прошагала к престарелой секретарше.

– Где я могу найти лейтенанта Аларика? – спросила Ханна.

Женщина с седыми волосами, завитыми в скудные умирающие, как и сама женщина, кудри, с голубыми тенями на веках и бордовой помадой, отчего она больше походила на героиню сюрреалистичного портрета, по-прежнему игнорировала Ханну взглядом и ответила, продолжая набирать что-то на клавиатуре:

– Все работники сейчас в отъездах по заданиям для расследований.

Эта старуха начинала бесить Ханну не на шутку.

– Тогда как мне связаться с лейтенантом?

– У него есть мобильный телефон.

Старуха продолжала медленно стучать по клавиатуре, уставившись на экран монитора.

– Ну, так можно мне его номер телефона? – Ханна все больше выходила из себя.

– Я не имею право раздавать личные номера сотрудников.

– Но я – его напарница!

– Вы – привлеченный на тренировку офицер. В нашем отделе Вы не числитесь, а потому для меня Вы – посторонний человек.

«Вот же дряхлая сука!» – подумала Ханна.

Может, другой бы на месте Ханны смело написал жалобу на столь ничтожное существо, осыпаящееся тлей на рабочий стол, но Ханна не могла себе такое позволить. Отныне к ней до конца жизни будут относиться предвзято и даже с отвращением, точно она – разносчик венерического заболевания. Ханна понимала, что сама должна найти Аларика, раз ей дали единственный шанс доказать, что она достойна работать в этом чертовом отделе убийств.

Распросив с десяток встреченных на пути сотрудников участка, Ханне, наконец, дали более менее точный ориентир – серебристый Ягуар Куп. На этой характерной для лейтенанта машине и разезжал Аларик. Ханна быстро нашла автомобиль на парковке возле участка, это было несложно, потому что снобистские замашки вроде выставления именной таблички рядом с парковочным местом были не чужды лейтенанту.

Ханна долго разглядывала старую модель автомобиля, который уже давно снят с производства. Отполированный до лощеного блеска Ягуар сверкал серебристыми переливами на солнце, его хозяин определенно обожал машину, и был из числа тех автолюбителей, которые дают имена своим машинам. Может этого зовут просто Куп или Дженни, а, может, Плохиш или даже Хулио, если Аларик – скрытый гей. Говорят, ему почти сорок, и он до сих пор ни разу не был женат, и не имеет детей. Судя по машине, Аларик принадлежал тому типу заядлых холостяков, которые не признают рабства брака, утоляя голод близости разовыми случаями. Скорее всего, он испытывает больше симпатии к животным, например, к собакам. И в подтверждение своих слов Ханна увидела сложенный чехол для перевозки собак на заднем сидении автомобиля.

Ханна просчитывала в уме, сколько денег уходит на обслуживание раритетного автомобиля. Она с дотошностью ювелира рассматривала детали и понимала, что автомобиль восстанавливали из подлинных запчастей, изготовленных, по всей видимости, на заказ. Наверняка, стоимость автомобиля превышает ее годовое жалованье раз в пять. Она изучала внутренний кожаный салон через стекло, когда услышала голос за спиной:

– Ты кто?

Ханна обернулась. Лейтенант Аларик держал в руках ведро с куриными бедрышками и жевал одно из них, подозрительно осматривая Ханну.

– Добрый день, сэр! Я – офицер Ханна Юргис! – отчеканила Ханна.

Аларик медленно осмотрел ее с ног до головы и произнес:

– Так вот ты какая. С виду и не поймешь.

Ханна мысленно закатила глаза.

Аларик жестом предложил разделить трапезу, на что Ханна помотала головой. Аларик открыл дверцу машины, поставил ведро на панель. Пока он вытирал салфеткой руки и лицо, Ханна разглядывала супергероя и суперзлодея в одном лице. Он был невысокого роста, худой и жилистый, растрепанные русые волосы, слегка затронутые сединой, он не брился уже пару дней. Помятая рубашка была застегнута неправильно и торчала из джинс, а бежевая куртка испачкана пятнами от еды, причем многие из них были уже застарелыми. Потертые грязные джинсы и разношенные ковбойские сапоги завершали неряшливый образ. Весь его вид больше походил на человека, недавно проснувшегося после долгой пьянки, и теперь отчаянно борющегося с головной болью от похмелья.

Перед лейтенантом же предстал молодой офицер в синей опрятной выглаженной униформе со значком на груди, рацией на плече, все начищено до блеска, даже кобура с Глоком казалась новой, наверняка, совсем недавно получена на складе, потому что на кожаном ремне отсутствовали трещины и заломы. Светлые волосы офицер затягивала в гладкий пучок под затылком, и даже волосы у нее были приглажены один к одному. Большие голубые глаза, тон-

кий нос, пышная грудь и тонкая талия, офицер Юргис была полной противоположностью Аларика, но лейтенант прекрасно понимал, откуда растут ноги этой выдрессированной безупречности. Иначе, Ханну бы сожрали еще в академии. Она должна быть идеальной, если хочет пробиться в столь пропитанной сексизмом сфере деятельности.

Наконец, Аларик закончил ритуал с салфеткой, сложил локти на крыше машины и пристально уставился на Ханну.

– Я задам тебе вопрос, и от ответа, который ты дашь, зависит, поедешь ли ты со мной кататься, – сказал он, уставившись на нее с хитрецей.

Похоже, сегодня все будут испытывать Ханну на прочность, смекалку и терпение. Это будет самое долгое собеседование в ее жизни.

– Для чего ты лезешь в Отдел убийств? – спросил лейтенант.

И вроде ответ Ханна заготовила уже давно, потому что все работодатели прежде всего интересуются, зачем кандидат, вообще, сюда пришел. Они ждут, что он начнет расхваливать фирму и ее достижения, клятвенно заверит, что хочет влиться в столь успешный и стабильный коллектив, чтобы внести свой полезный вклад в развитие дела. Но Аларик явно не желал слышать те сопли, что Ханна приготовила для капитана Фалька о долге стража порядка бороться со всякого рода несправедливостью, даже если от ее уродства и извращения выворачивает кишки. На самом деле Ханна соврала капитану. Она хочет ловить убийц, но не в этом причина, по которой она пришла сюда.

– Престиж, – ответила Ханна.

Аларик прищурился, выковыривая языком мясо меж зубов. А потом хитро улыбнулся и произнес:

– А тебя немало потрепало, скажу я, если ты дошла до края.

Дальше убойного отдела по уровню значимости и уважения шло лишь бюро по расследованию федеральных преступлений, ну, и спецслужбы.

– Мне по-другому не выжить. Меня везде загнобят. Либо я сама сгнию где-нибудь в офисной коморке, – откровенно добавила Ханна.

Аларик опустил глаза, точно просчитывая что-то в уме, потом открыл дверь автомобиля и сел внутрь.

– Ну, поехали. Посмотрим, что ты за фрукт! – крикнул он из машины.

Ханна улыбнулась своей второй победе за этот день. Может, сегодня бог все же на ее стороне?

Она открыла глаза от слепящего солнца, чьи лучи проделали долгий путь от подоконника до пола и, наконец, добрались до подушки, на которой лежала ее голова с взлохмаченными волосами. Теплота солнечного светила и назревающее летнее настроение, которое уже подошло к порогу и вот-вот постучит с требованием впустить, наполнили грудь необъяснимой легкостью и эйфорией, будто замерзшее тело и истерзанное холодами и тяготами сердце постепенно отогревались и возвращались к жизни после долгого беспокойного сна.

Ее сердце ожило. Она смотрела на запястье своей бледной руки, цвет которой едва отличался от цвета постельного белья. Браслет с розовыми цветами бутоньерки возвращал в воспоминания последних нескольких часов, в течение которых ее мир перевернулся. Снова.

Лепестки изрядно помялись, пожухли и потеряли вчерашнюю свежесть, но казалось, что в свете ласковых весенних солнечных лучей они становились краше и все больше оживали. Прямо, как сама Нина.

Тяжелая рука с широкой ладонью и грубыми пальцами накрывали ее тонкие ладони своим напористым неотступным вожделием, отчего хотелось кричать в полный голос о своем счастье. Эта мужская рука убивала, приговаривала к пыткам одним лишь взмахом, руководила

жестокой империей наркоторговли, и в то же время ласкала Нину этой ночью в таких местах, что она не могла сдержать стоны.

Его мышцастая рука лежала на ее узкой хрупкой талии, отчего было трудно дышать. Но Нина получала какое-то мазохистское удовольствие от того, что он так жестко и неумолимо прижимает ее к себе, не давая шанса выйти из цепких объятий, выдавая разрешение на каждый вдох, на каждое движение. Наоборот, Нина еще сильнее прижалась к нему спиной, ощущая себя точно под большим крепким и безопасным навесом, который укроет от любой опасности, защитит от нападков внешнего мира, принесет себя в жертву ради ее благополучия.

Эрик почувствовал ее легкое движение и, словно прочитав ее мысли, сильнее прижал Нину к себе, уткнувшись носом точно ей в шею. От ее запаха сон не просто ушел напрочь, а с криком ужаса убежал за сотни миль, гонимый стремительно назревающим возбуждением, которому Эрик не смог противостоять.

Ее обнаженное белоснежное тело снова взывало к его мужскому началу, и он быстро развернул ее и оказался сверху. От вида ее растрепавшихся от бурной ночи волос и размазанного макияжа на лице, вспомнились самые сладострастные моменты секса, когда она впивалась зубами в его плечи, царапала его спину, стонала до криков, и тогда возбуждение достигло пика.

Эрик практически заглотил ее язык, настолько он был жаден до ее тела. Она застонала, когда он снова овладел ею. Он сжал ее горло, и она, зная, как ему нравится, сосала его палец.

– Скажи мне, кто ты, – прошептал он ей на ухо.

– Твоя маленькая девочка, – ответила она.

Звук ее шепота, твердящего те слова, что ему так нравились, заставили сознание завертеться где-то на грани между мирами, и Эрик поплыл на волнах экстаза.

Он никогда не говорил ей, как ему нравится. Она читала его мысли, изучала воспоминания и точно копировала движения, слова и ласки, которые доставляли Эрику наибольшее удовольствие. Это было невероятно. Еще никогда Эрик не испытывал подобной близости с человеком, который в буквальном смысле делал все, что он хотел от нее.

Нина сжимала между бедер его горячее тело, двигаясь ему в такт, прижимаясь к его мускулистому торсу так сильно, словно желала слиться с ним воедино. Она пребывала с ним на тех же волнах, где они вместе наблюдали за потоком фантазий, воспоминаний и прошлого друг друга. Нина, сама того не контролируя, соединяла их сознания, и они уже не были двумя разными людьми, они превращались в одного человека, переживающего столь разные события прошлого. Они открылись друг другу полностью до самого дна кроличьей норы без стеснения, страха или стыда, потому что знали, что оба примут все, что увидят в самой сердцевине пекла, и не отвернутся, не поморщатся, не попытаются обвинить, а просто согласятся друг с другом и заключат самый искренний и честный союз, какой только могут заключить люди на земле.

– Я люблю тебя, – шептал Эрик, принимая каждую частичку Нины в себя, соглашаясь со всеми ее мыслями, доводами, заключениями.

– И я люблю тебя, Эрик, – отвечала Нина, уже давно приняв его таким, какой он есть, будто он был создан специально для нее, возможно, самим Дьяволом, но ей было наплевать. Он принадлежал ей, его душа стала частью ее души, пусть она даже будет проклята, Нина никогда не отпустит ее.

Спустя некоторое время они снова лежали, прижавшись друг к другу, словно склеенные. Эрик гладил ее плечо, Нина рассматривала коричневые нити его радужки, казалось, сегодня они светились особенными переливами.

– Теперь мы с тобой вдвоем навсегда, Нина. Только ты и я, – произнес Эрик тихо, будто открыл ей сокровенный секрет.

Нина витала где-то в его мыслях, которые она так долго искала, и которые теперь смело показывались ей из-за чащоб его сознания.

– Я не отпущу тебя, – прошептал он.

Нина не ответила и лишь закрыла глаза, отгоняя видения, что он притянул своими словами. Она не хотела видеть будущее, не хотела знать, что их ждет. Она устала от попыток повлиять на судьбу, строя мосты, прорывая каналы. Она хотела просто быть рядом с Эриком, уверенная в том, что все их нынешние мечты сбудутся, и они обретут счастье, что так упорно ищут.

Нине потребовалось немало усилий, чтобы заткнуть канал передачи информации. Сейчас она не хочет ничего слышать, знать или видеть. Она хочет просто быть рядом с Эриком, лежать рядом с ним, ощущая его тепло, прикосновения грубых мозолистых пальцев, чувствовать его дыхание на своем лице и наслаждаться каждой секундой, что они проводят вместе.

Потому что очень скоро эти сладостные моменты закончатся, и они снова выйдут в жизнь по другую сторону рыхлых гнилых стен разваливающегося отеля Патриши, и уже никогда не смогут вернуться в этот миг. Если бы Нина могла, она бы обменяла все свои таланты на умение возвращаться в прошлое, просто чтобы снова испытать необыкновенные и единственные в своем роде ощущения, которые никогда больше не повторятся.

Довольно предсказаний. Хотя бы на сегодня. Всего на денек, даже на пару часов Нина закрывает дверь образам, шепоту, и просто побудет обычным человеком, который наслаждается первой сокровенной любовью.

Снова пискнул телефон Эрика. Нина знала, что так неистовствовать мог только Роберт, который терпеть не может, когда что-то идет не по плану. За последний утренний час он сбросил около сотни сообщений, злой оттого, что его звонок поставили на переадресацию.

Эрик снова проигнорировал очередное яростное послание друга и лишь сильнее обнял Нину. Будто в последний раз.

– Не хочется возвращаться, правда? – спросил он, уткнувшись в ее шею.

Нина молча согласилась. Она уже с горечью осознала, что волшебный момент подошел к концу.

Словно в подтверждение ее мыслей, Эрик потянулся к прикроватной тумбе, где измученный телефон переливался разноцветными мигающими огоньками уведомлений. Просмотрев последние, Эрик произнес:

– Надо выдвигаться. Через час Замир выезжает из отеля, надо проводить его.

Он взглянул на свою верную подругу и вдруг понял, насколько ему повезло встретить это невероятное существо с мистическими талантами, которое отныне дает не только предсказания, но и дарит свою любовь. Первую в ее жизни, а потому самую значимую.

– Как проводим албанцев, я повезу тебя кататься на яхте, – сказал он, обняв ее. – Правда, сейчас еще холодно, и сезон не открыт, поэтому нам все время придется провести в каюте.

Нина засмеялась и сама удивилась тому, насколько легко ей это удалось. Кажется, сегодня улыбка, вообще, не сходит с ее губ, Изабелла сразу поймет ее причину. Насколько Нина одарена силами читать мысли и видеть будущее, настолько же сильно у Изи развит нюх на секс.

– Я не против, – тихо ответила Нина и добавила, вспомнив про вчерашний уговор, – но только вечером. Мне надо встретиться с Изи днем.

– А-а-а, женские сплетни. Будь добра смилуйся надо мной и скажи ей, что она по-прежнему остается для меня первой и единственной, – ответил Эрик.

Нина снова рассмеялась. Она знала, что Изи познакомила Эрика с депиляцией интимных зон, и с тех пор гордая женщина открыто заявляет права на его гладкие гениталии. Но почему-то Нина была уверена, что, как только Изабелла узнает, что Нина с Эриком перешли долгожданную черту, Изи с благословением отдаст эти права Нине.

Телефон снова пискнул. Обоих охватило желание бросить телефон о стену, предварительно извинившись перед ним, разумеется. Ведь не вина телефона, что ему предстало быть передатчиком гневных требований от Роберта к Эрику.

Эрик попытался встать, но Нина нежно провела пальцем по его бедру, выражая ясный намек.

– Девушка, Вы когда насытитесь? – игриво спросил Эрик, обернувшись.

– Еще всего один разочек, – пролепетала она в ответ.

Такой сердечной и умоляющей просьбе Эрик не мог отказать.

Ягуар вырулил на дорогу и влился в утренний автомобильный поток. Сегодня был выходной день, но столицу наводнили туристы и приезжие из соседних городов, а потому трафик на дорогах все же испытывал заторы в некоторых местах. В этот уикэнд город празднует свой день основания, а потому повсеместно устраивались различные торжественные мероприятия, дискотеки, ярмарки, между которыми и кочевали горожане и визитеры из далеких мест. Парки аттракционов, как всегда, открыли свой сезон в День города, и пронзительные крики детей и взрослых раздавались повсюду. Праздник начался накануне вечером, и сегодня у полиции будет много работы: разнимать драки, арестовывать пьяных, штрафовать за нарушение административного порядка. По последней сводке, полученной Ханной от напарника из участка, этой ночью уже арестовали три сотни нарушителей спокойствия, которые не умеют праздновать, как цивилизные люди. Офицер Юргис занималась бы сегодня тем же, чем и ее напарник: они бы вместе патрулировали улицы – довольно скучное и малооплачиваемое занятие. А посему Ханна была несказанно рада тому, что сегодня у нее проверочный день в качестве стажера убойного отдела. Сегодня Ханна поднялась на высокую ступень, и ей всеми силами необходимо на ней удержаться.

Уже через пару минут езды Ханна влилась в мир Рубена Аларика и поняла, что еще не настал обед, а она уже врзалась в тот самый тупик, на который навели ее мысли, когда она услышала имя своего экзаменатора.

– У вас что, в багажнике человек?! – изумленно выпалила она.

– А что, похоже да? – ответил Аларик вопросом на вопрос.

Сзади в багажнике что-то гроыхало и стучало. Поначалу звуки больше походили на гроыхание бочки, но потом Ханна услышала стоны и матерные выкрики и с ужасом поняла, что в багажнике кричит человек.

– Да! – воскликнула Ханна.

Аларик пожал плечами.

– Ну, и пусть себе катается, – спокойно ответил он.

– Сэр, это противозаконно!

– Ой, да ладно! Он два дня уже там ездит и ничего, а тут пришла отличница и езда в багажнике стала противозаконной! – Аларик достал куриное бедро из ведерка и засунул в рот.

– Я убью тебя, Аларик! – голос неизвестного прозвучал из багажника гулко, но достаточно отчетливо, чтобы разобрать слова.

– Да ты не стесняйся, угощайся, – Аларик протянул Ханне ведерко.

На что Ханна лишь выпучила глаза в полном шоке от того, что лейтенант так просто возит людей в багажнике целыми днями, а сам спокойно ест и спит, пока они задыхаются в металлическом гробу, в котором невозможно пошевелиться.

– Сэр, кто находится в багажнике? – со всей серьезностью спросила Ханна.

– О, это – Данилка Скорострел! – ответил Аларик, а потом обернулся и крикнул:

– Данилка, познакомься с моей ученицей Ханной!

– Да пошел ты, ублюдок! Я убью тебя, гандон!

– Он тоже рад с тобой познакомиться, – весело ответил Аларик и продолжил жевать.

Ханна уже слышала это прозвище. Данилка Скорострел. Говорят эту кличку ему дали его работницы на бульваре Сансет. Этот чванливый голохваст, строящий из себя опасного гангстера, в сексе не мог продержаться и минуты. Как-то он завершил акт, едва девчонка сняла с

него трусы. Сплетни быстро распространяются по бульвару, женщины питаются ими вместо хлеба.

Когда Ханна поняла, что Аларик возит в багажнике сутенера с бульвара, где недавно завелся серийный убийца, она слегка удивилась собственным умозаключениям.

– Сэр, Вы расследуете убийство женщин на бульваре? – озадаченно спросила она.

– А что в этом странного? – Аларик заметил недоумение в ее голосе.

– Я думала, Вы занимаетесь только убийствами, связанными с торговлей наркотиками.

Аларик усмехнулся.

– Потому что на проститутках не заработаешь? – спросил он риторически.

Ханна промолчала. Аларик и сам был прекрасно осведомлен, какие слухи о нем ходят. Более того, его махинации давно перестали быть слухами и уже превратились в ежедневную рутину.

– Представь себе, иногда я ловлю злодеев просто так, – гордо объявил лейтенант.

Но тайное всегда становится явным, а сегодня правда не на его стороне.

– Да не знаю я, куда делись деньги! – заорал Скорострел, словно поджидал наилучший момент, чтобы испортить репутацию Аларика.

Ханна бросила на лейтенанта презрительный взгляд. Тот замер, будто его застали с поличным, а потом, осознав, что препираться бесполезно, заговорил:

– Ой, да ладно! Его сам бог послал! Я расспрашивал его девчонок про ту убитую проститутку Барбетту, она работала в соседнем квартале от территории Данилки. И, слово за слово, мы заговорили о его грязных делишках. Оказалось, что какой-то дилер отмывает деньги через его прачечную. Я припер его к стенке, он сказал, что очередная партия денег должна прийти в пятницу, но я приехал в назначенный день, а денег – нет. А я – донельзя занятой человек! Я не люблю тратить время впустую! Я в тот вечер мог валяться дома, пить пиво и смотреть порнушку!

– Да не брал я денег! Они не привезли их! – кричал Скорострел.

– И сколько Вы планируете возить его в багажнике? – спросила Ханна, сдерживая злость.

Аларик взглянул на часы и ответил:

– Еще сорок пять минут.

– А что произойдет через сорок пять минут? – не понимала Ханна.

– Мы доедем до места, где убьем его.

– Аларик, не было денег! Не привозили! Я клянусь! Ты – гребаный ублюдок, ты же знаешь, что я не вру! – Данилка забился в истерике, когда услышал, что его похититель собирается расправиться с ним меньше, чем через час. Как коротка была его жизнь!

Через сорок пять минут они добрались до закрытой свалки металлолома в двадцати километрах от города. Свалка уже много лет была заброшена, и пока ни один чиновник не решился взяться за ее расчистку, Аларик использовал ее в качестве просторного кабинета для неофициальных допросов. Груды старых ржавых автомобильных кузовов вперемишку с железным мусором были выстроены в ровные стены высотой метра четыре, не меньше. Казалось, эти стены могут рухнуть от первого дуновения ветра. Они скрипели, выли, кряхтели, точно старики при смерти.

Ханна огляделась. Свалка располагалась в трех километрах от шоссе, дороги тут пустынные, до города далеко, ни одна живая душа не забредет в такую глушь, здесь просто нечего делать. Так что бежать пленникам некуда.

Аларик заглушил мотор и вышел из машины, Ханна последовала за ним.

– Я не успел его связать, а потому, если у него остались силы, то он, возможно, захочет на нас прыгнуть. Судя по твоему третьему размеру, ты – наиболее вероятная цель нападения, – Аларик бесцеремонно ткнул пальцем в грудь Ханны.

– Сэр, мы же не собираемся его убивать? – Ханна все же задала вопрос, который мучил ее всю дорогу.

– А как думаешь, мертвец скажет, где деньги? – съязвил Аларик, мол, неужели он похож на идиота?

Честно говоря, на идиота он похож не был. Но вот психом определенно был. И что у него на уме, Ханна представляла с трудом! Она задала глупый вопрос, желая удостовериться, что ее логика совпадает с логикой лейтенанта. Но чуяло ее сердце, что подобных очевидных вопросов она задаст сегодня еще немало.

Аларик достал из-за пояса пистолет и дал знак Ханне приготовиться. Она тоже достала свой Глок и заняла стойку готовности.

Аларик сосчитал пальцами до трех и открыл багажник.

Он оказался прав, у Данилки остались силы даже после двухдневной поездки в металлическом гробу метр на метр. Обезумевший мужчина выпрыгнул из багажника, но он недооценил степень онемения ног, а потому зацепился за край багажника и повалился на землю. Аларик тут же схватил беднягу и врезал тому в подбородок, чтобы выбить из него сознание на пару секунд и слегка усмирить.

Ханна держала на мушке то Скорострела, то Аларика, не зная, что именно ей делать в этой ситуации. Она приняла решение просто наблюдать и не вступать до тех пор, пока ситуация не начнет выходить из-под контроля.

Скорострелу было около сорока лет. Модная стрижка с длинными волосами на макушке, и полностью сбритыми у висков, он был одет в черные, светящиеся глянцевыми переливами кожаные штаны и шелковую с цветочным принтом рубашку. Эдакий ванильный педераст. Даже ярко-желтый платок повязан на шею, точно горящий маяк в ночи, обозначающий благосклонную к обоим полам территорию.

– Данилка! – позвал Аларик, трясая мужчину за плечи.

Когда тот пришел в себя и увидел два дула пистолетов, направленных на него, он понял, что шансы его ничтожно малы, а может, их, вообще, нет, судя по заброшенной местности, в которую его привезли.

– Я клянусь, Аларик! Не было денег!

– Старая песня! – вздохнул лейтенант. – Тебе что, мало было каганий в багажнике? Посмотри, как ты выглядишь! Ты сколько раз уже сходил под себя? Черт возьми, ну, должен же ты иметь хоть чуточку самоуважения!

Ханна мельком оглядела багажник и поняла, что Аларик готовился к похищению заранее, потому что багажник был плотно заделан твердым полиэтиленом, на котором виднелась мазня от мочи и экскрементов пленника. Неизвестно, как он не отравился от столь ядреного запаха, режущего глаза!

– Они не привезли! Они сказали, что нашли другое место для отмыва!

– То есть такое вот совпадение? Я пришел, они ушли?

– Да! Да! Они сказали, что не хотят появляться на бульваре, пока копы выслеживают того ненормального психа, который наших девок режет!

– Что-то мало я верю тебе, укурок ты недоношенный! – Аларик пнул беднягу в живот, тот скрючился.

Ханна, инстинктивно выдрессированная останавливать любую форму насилия по отношению ко всякому человеку, вне зависимости преступник он или нет, напряглась и рефлекторно перевела дуло на Аларика. Но что она могла сделать? Опять этот тупик! Быть на стороне закона? Или быть на стороне Аларика, который вершит ее судьбу в настоящий момент? Она может прекратить издевательства лейтенанта и написать на него донос, но что это изменит? Она – совсем зеленый новичок, который лезет в мир старших дядь, где написанные законы

крутят и вертят так, как им хочется. В лучшем случае ее донос порвут в клочья и отправят доживать свой век где-нибудь в архиве, в худшем – она навсегда вылетит со службы.

Но и продолжать участвовать в насилии она не желала, и желание это было внутреннее, исходящее прямо из ее родных глубин, которых не надо тренировать, она была рождена с ними. Благодаря присущему ей состраданию, она и последовала по пути стража порядка, защищающего слабых, обездоленных, нуждающихся. И таковым в нынешней ситуации был мерзкий сутенер, который сам прекрасно осознавал, на какие риски шел, заключая сделку с наркомафией. Хочется сказать, куда ж ты совался, дитя недоразвитое? Иногда Ханна и впрямь чувствовала себя нянькой в детском саду, умиряющей глупых молокососов, которые тычут пальцы в розетку и суют себе в нос детали конструктора.

А пока она раздумывала над тем, как ей поступить, Аларик продолжал свой допрос.

– Если ты продолжишь упираться, я начну тебя калечить. Иначе для чего, ты думаешь, я держу пистолет в руке?

Ханна вдруг мельком заметила, что Аларик держит в руках Парабеллум, и этот факт заставил все ее мышцы напрячься до предела, потому что табельным пистолетом, по которому отслеживают деятельность полицейского, может быть лишь Глок или Смит и Вессон. Лейтенант явно не желал светить свое доброе имя в данной ситуации.

– Да я богом клянусь, я говорю правду! Они позвонили накануне и сообщили, что пока надо утихнуть, залечь на дно!

– Позвонили говоришь? Какие вежливые бандиты нынче плодятся!

Аларик спустил курок.

Громкий выстрел отозвался эхом от металлических искореженных гигантов. Все произошло так быстро и так неожиданно, что сам Скорострел не сразу сообразил, что пуля пробила его коленную чашечку. Когда сигнал от нервных окончаний простреленного колена достигнул мозга, мужчина завопил.

Ханна едва верила своим глазам: Аларик и впрямь начал экзекуцию и ранил сутенера точно в левое колено. Ханна слышала о том, что пулевое ранение в коленную чашечку – одно из самых болезненных, и более того, практически во всех случаях оно оставляет человека инвалидом до конца жизни.

– Я прострелю второе колено, если ты продолжишь врать, кретин! – заорал Аларик, который начал выходить из себя от упрямства Данилки.

Ханна продолжала целиться в Аларика, но тот и усом не вел в ее сторону, не представляя даже, какой ураган мыслей бушует в ее голове. Что делать? Что ей, черт возьми, делать? Ситуация явно вышла из-под контроля! Пот заструился по спине Ханны, ее дыхание сбилось от замешательства, она переступала с ноги на ногу, будто ее движения могли как-то привлечь к ней внимание Аларика. Ее руки впервые затряслись, потому что натренированный организм требовал подчиняться рефлексам, но вот мозг упорствовал, производя сложные вычисления.

Необходимо действовать! Обезвредить противника, заковать в наручники и доставить в участок! Стандартный алгоритм, которому учат с самых первых дней учебы! Надо просто следовать инструкции! Подкрасться к противнику сзади и сбить с ног одним приемом. Ханна – совершенна в рукопашных боях, в академии ей не было равных, а на улицах и подавно. Свалить Аларика на землю и обездвижить для нее, вообще, не проблема! Но тогда почему она до сих пор не сдвинулась с места, когда человек так отчаянно нуждается в помощи, а истязатель стоит спиной прямо перед ней. Бери да действуй!

Мужчины кричали друг на друга: Аларик требовал Скорострела сознаться, Данилка в свою очередь материл садиста и звал на помощь. Но Ханна не слышала ни слова из этого неразборчивого гомона, потому что ее собственные голоса вступили в перепалку между собой. Один твердил, что она должна остановить зло, в этом ее предназначение, в этом ее суть! Но второй напоминал, что ей нужно пережить лишь сегодняшний день, и тогда Фальку не останется

ничего, кроме как принять ее в убойный отдел. Надо только перетерпеть, надо лишь набраться мужественности и дотерпеть до конца рабочего дня!

Аларик нацелил пистолет на второе колено изворачивающегося на земле бедняги. Тот звал на помощь, но никто не мог услышать его в этих металлических дебрях.

Аларик уже был готов спустить курок неизвестного пистолета, от которого, вероятно, и умер тот наркодилер, обманутый обещаниями Аларика, как сзади послышался громкий решительный окрик Ханны:

– Лейтенант!

Аларик обернулся. Его лицо выражало дерзость и настойчивость, он явно желал довести дело до конца, и он был невероятно раздражен тем, что ему помешали. Ханна целилась в него из табельного Глока. Он видел ее испуг, понимал, в какой растерянности она пребывала, почти чувствовал колебание воздуха вокруг нее, пока она не приказала:

– В ладонь!

Хищный оскал озарил лицо Аларика, точно он увидел в Ханне достойного протезе, и тогда он выстрелил Данилке в правую ладонь.

Мужчина заревел еще громче. Он забился от боли, точно умирающий в судорогах таракан, не в силах перевернуться и убежать. Кровь хлестала из ран, и он не знал, какую из них зажать, потому что теперь у него была лишь одна рука. Он выл и звал на помощь, но уже тише, поскольку понимал, что это бесполезно, а с каждым усилием и напряжением мышц он терял больше крови.

Возможно, Скорострел упорствовал, потому что надеялся на офицера полиции в синей униформе, которая всегда символизирует помощь в любой момент, когда ты к ней обратишься. Более того, офицер была женщиной, а ведь женщинам насилие претит гораздо больше, чем мужчинам, так заложено природой! Тем более ее потерянный взгляд выражал явное недоумение от происходящего. Скорострел надеялся на ее помощь, и даже, может, взывал именно к ней. Но своим приказом стрелять ему в руку она перешла на сторону лейтенанта, и Данилка понял, что нет у него сторонников в этой пустыне из металлолома. Есть только жадные до денег коррумпированные полицейские, которые будут пытаться его не хуже тех бандитов, что вскоре потеряют деньги в его прачечной. Данилка сдался.

– В поддоне ... машина, – тихо прошипел Скорострел, пытаясь совладать с болью.

Аларик нагнулся.

– Что ты говоришь? Повтори, я не слышу!

– В поддоне третьей машины!

Аларик выпрямился довольный. Сегодня он получит неплохой улов.

– Едем в его прачечную, – сказал он, направляясь к машине.

– А как же Данил?

– Сначала удостоверимся, что деньги там, где он указал.

– Но он может умереть от кровопотери!

– Значит, туда ему и дорога!

Аларик открыл дверцу машины, но Ханна силой захлопнула ее обратно.

– Сначала вызовем для него скорую!

– Если ты еще раз так ударишь моего Бублика, я убью тебя! – яростно выпалил Аларик. Бублик? Seriously? Так ты назвал свой Ягуар?

– Сначала вызовем для него скорую! – злостно повторила Ханна.

Она впиалась в него столь же яростным взором, как и он в нее. И так они и стояли, испытывая друг друга на прочность и авторитет, подобно хищникам. Ханна понимала, что ходит вдоль обрыва своей будущей карьеры. Аларик вспоминал, что он вычитал из ее личного дела про золотой пояс по тайскому боксу. Ханна дала себе слово, что не сойдет с тропы, особенно после того, как сама отдала приказ стрелять в ладонь, пусть это и было сделано во благо Скорострела,

который рисковал до конца дней своих ездить в инвалидной коляске, если бы ему прострелили второе колено. Аларик поймал себя на мысли, что это существо непонятного пола выглядит чертовски сексуально в образе бесстрашного полицейского, защищающего право всякого отброса на жизнь, прям какой-то Зорро в униформе, подчеркивающей объемную грудь. Интересно, какого размера там имплант?

– Как только он окажется в больнице, к нему приставят патруль из-за пулевых ранений, и мы до него уже не доберемся! – прошипел Аларик, сверля ее глазами.

– Все равно! Сначала скорая! – настаивала Ханна, продолжая бой на уровне взглядов.

– Если мы приедем в прачечную, а денег там не окажется, можешь попрощаться с карьерой в убийном!

Ханна сглотнула. Аларик это заметил и ухмыльнулся. Но ей было наплевать. Пусть ликует! Пусть наслаждается своей властью! Если судьба отберет у нее возможность работать в убийном отделе из-за того, что она поступила по чести, поступила, как достойный полицейский, то значит, не нужна ей такая карьера среди подобных ему паскуд!

По дороге в город они остановились у ближайшего таксофона, с которого Ханна сделала звонок в службу спасения и передала координаты умирающего Данилки. Скорая помощь придет за ним в течение десяти минут, он будет жить.

Оставшийся путь до прачечной оба молчали, не желая нарушать тонкую грань между ненавистью друг к другу и надеждой на то, что в конце пути их все же ждет удача.

Прачечная Данилки находилась на второй линии от бульвара Сансет. Когда Ханна вышла из машины, она поняла, почему лейтенант выбрал Данилку для допроса: вторая жертва маньяка – Барбетта – была убита в соседнем доме. Ханна бы тоже первым делом присмотрелась к хозяевам ближайших территорий. К несчастью Данилки, его посетил не обычный детектив, а коррумпированный столетний аллигатор, имеющий нюх на легкую наживу.

Сегодня в прачечной сидела лишь одна престарелая женщина семидесяти лет, которая не видела ничего дальше своего сканворда. Вряд ли здесь когда-либо бывает много народу. Сутенеры подобные Данилке держат такие забегаловки только для отмыва денег, заработанных нелегальным путем. Ломбарды, дешевые бары, пункты проката видеофильмов и прочие мелкие торговые точки были раскиданы вдоль всего бульвара, а иначе как еще обелить деньги, заработанные проституцией?

Аларик и Ханна прошагали к стиральной машине номер три, на которой висела табличка «Не работает». Аларик присел на колени и начал исследовать поддон. Ханна стояла на стреме и поверить не могла, в какую заварушку завела ее жизнь. Еще вчера она была добропорядочным копом, патрулирующим улицы на западе. За последний год она добилась там уважения, обзавелась знакомыми и друзьями. Она знала, что у нее получается быть хорошим офицером. Люди любили ее за доброту и честность, она умела находить подход даже к самым запущенным и разъяренным преступникам, в основном это были подростки или недалекие от них взрослые молодые люди. Приспичило же ей прыгать выше! Сидела бы в своем районе и дальше! Но нет! Чертовы амбиции заставляют влезать в такую задницу, что всего за час она уже успела стать соучастницей похищения, пыток, покушения на убийство и нанесения ущерба чужому имуществу. Это уже тянуло, как минимум, на десять лет строгого режима при учете, что присяжные примут во внимание ее заслуги на профессиональном поприще.

Аларик, наконец, справился с поддоном, и тот лежал в стороне, пока лейтенант водил рукой в недрах гигантской машины.

Ханна задержала дыхание. Несмотря на все свои придуманные доводы в пользу того, что карьера в убийном – не верхушка Олимпа, и есть много других сфер деятельности, где она сможет найти себя, в душе она все же надеялась, что деньги окажутся там, где сказал Данилка. Дав свое обещание, он вдруг внезапно стал вершителем ее судьбы.

Спустя несколько долгих секунд Аларик вытащил руку из-под машины. Ханна выдохнула с облегчением, когда увидела в его руке черный полиэтиленовый брикет, внутри которого определенно лежали пачки купюр.

Он взглянул на Ханну, в его глазах сверкнули огоньки восторга. В глазах Ханны же рисовалось осуждение вперемешку с надеждой.

В машине они пересчитали купюры, в мешке оказалось почти три сотни тысяч. Аларик просветил каждую на наличие каких-либо отслеживающих знаков, и, наконец, удовлетворенно откинулся на спинку сидения.

– Вот это я называю удачным днем! Еще до обеда мы с тобой заработали на домик на побережье! – воскликнул Аларик.

Но судя по угрюмому выражению лица Ханны, энтузиазма она с ним не разделяла. Она до сих пор едва верила, что оказалась вовлеченной в подобные махинации.

– Что ты будешь с ними делать? – спросила она.

– Во-первых, поделю поровну между нами: тебе дам двадцать тысяч. А во-вторых, поменяю крышу в доме и поставлю новые колеса на малышке. Да еще и гидроусилитель руля что-то в последнее время бастует, – говорил Аларик, поглаживая руль автомобиля.

Ханна все больше наполнялась презрением к столь жадному человеку.

– А что будет с Данилом?

– А что с ним? Пусть лечится!

– Да его же убьют за потерю денег!

– Ну, это – не мои проблемы. У него есть одна здоровая нога. На ней можно добраться до самолета и улететь ближайшим рейсом в Намибию.

– Какая же ты паскуда!

– О-па! Кто-то обзавелся мнением! – Аларик довольный наблюдал за тем, как Ханну, наконец, обуяли эмоции.

– Да ты же навел прицел на человека!

– Именно!

– Они же будут ждать, пока он выйдет из больницы!

– Именно!

– Они выследят его и...

Ханна внезапно замолчала, когда догадка озарила ее мозг. Аларик смотрел на нее взглядом ученого, изучающего потенциал элемента под микроскопом, и ехидно улыбался.

– Он – наживка, – удивленно заключила Ханна.

– Умничка, – довольно произнес Аларик, а потом объяснил:

– Я не знаю, кто отмывает эти деньги. А потому нам остается только подождать их хозяина и взять его с поличным, когда он выйдет на охоту.

– Тогда эти деньги – улика, ты не можешь их взять.

Аларик спрятал мешок с деньгами под сидение и завел машину.

– Но ведь никто не узнает, сколько тут было денег изначально, – ответил он и подмигнул напарнице.

Ханна поняла, что так этот тип и жил: ловил бандитов, обкрадывал их и сдавал в руки прокурора, зарабатывая себе деньги, а Фальку – «результат».

Роберт разъярился не на шутку и дважды ударил кулаком по столу ресепшен, желая разнести мраморную панель в щепки, ну, или хотя бы оставить в ней нехилую вмятину. Администратор – девушка двадцати пяти лет с длинными светлыми волосами, обрамляющими худое лицо и пухлые розовые губы – бросила на Роберта удивленный взгляд. Тот немедленно рассыпался в извинениях за то, что пугает столь прекрасное создание своими расшатанными нервами.

Когда-нибудь Роберт выставит Эрику счет за каждый свой седой волос, один из которых он обнаружил сегодня у себя уже в паху, и этот факт омрачил настроение на весь день.

– Расслабься, он успеет, – сказал рядом стоящий Марк.

– У этого остолоба есть всего пятнадцать минут! И если он не успеет лично проводить Замира до автобуса, это будет большим оскорблением албанской чести!

– После этой безумной ночи мне кажется, им, вообще, по барабану проводят их или нет, – поспорил Марк.

И вправду, этой ночью албанцы развлекались так, словно у себя на родине они постоянно соблюдают Пост, воздерживаясь от еды, алкоголя, девушек и пьяного погрома. Их веселье было настолько бурным и безудержным, что Виктор уже подсчитал в уме убытки от порчи имущества на пару сотен тысяч. Помимо сломанной мебели и пробитых пулевыми отверстиями стен в закрытом банкетном зале, албанцы незапланированным мини-фейерверком ненароком устроили пожар, из-за которого сработала сигнализация. Хорошо, что ее удалось быстро выключить, иначе тысячу гостей, устроившихся на ночлег в гостинице, пришлось бы эвакуировать по требованиям пожарной команды. Это бы однозначно омрачило общее впечатление от грандиозного праздника, которое прогремело в Хаммель-Гарден восторженными откликами на всю столицу.

Виктор был горд собой. Нынешний год, начавшийся довольно сумбурно, теперь наполнился событиями, которые Виктор рассматривал, как второй шанс, подаренный судьбой, начать жизнь с чистого листа. Он порвал отягощающие связи с Томасом, нашел могилу дочери, заключил крепкий союз с Эриком Манном и обеспечил их поддержкой албанской мафии. Виктор снова начал верить в свои силы, в свою значимость.

– Есть новости? – спросил подошедший Рудольф.

Он, как и друзья, тоже упаковал вещи и спустился в фойе гостиницы с дорожной сумкой, готовый отбыть по первой возможности. Он не любил подолгу находиться вдали от своей семьи.

– Эрик не отвечает. Последнее сообщение он отправил двадцать минут назад, говорил, что едет, – недовольно буркнул Роберт.

– Куда интересно они забрались, что так долго едут? – удивился Марк.

– Меня больше интересует, как они передвигаются без машины и охраны, – вставил Рудольф.

– Ребята отслеживали их по спутнику все это время. Они останавливались где-то на юго-западе, недалеко от территории Абея, – сказал Роберт, вспоминая бессонную ночь, в течение которой он несколько раз звонил Учтивому Карлу и спрашивал, как обстоял дела у дезертиров.

– Если Эрик собрался показывать Нине места, где вырос, то не очень удобное время он выбрал, – осудил Рудольф.

– Да расслабьтесь! С ним же мышинный локатор Нины! – Марк махнул рукой.

Уж в чем, а в способностях и силах Нины он был уверен гораздо больше, чем в системе спутникового слежения.

– Мы все собрались? – Роберт пробежался глазами по фойе.

– Кажется, да.

Мужчины оглядели просторный холл, который был заполнен около сотней гостей, решивших выехать из отеля ровно в час чек-аута. Поэтому сейчас работали все пять стоек ресепшен, за которыми администраторы громко стучали по клавиатурам со скоростью сто клавиш в секунду.

– Вы пользовались мини—баром?

– Вот счет за платный телеканал.

– Вы заказывали завтрак в номер?

– Оплатите наличными или картой?

– Мы будем рады видеть Вас снова в «Хаммель-Гарден»!

Одни и те же фразы звучали со всех стоек, одни и те же улыбки администраторы посылали гостям, в ту же секунду забывая о них, как те отойдут от стола, чтобы заняться новыми выезжающими гостями. Подобная скорость работы и интенсивность займет администраторов еще на долгие пару часов, пока все гости не выедут из гостиницы в течение сегодняшнего дня. Завтра начиналась новая рабочая неделя, и как бы ни хотелось растянуть столь щедрое гостеприимство, но этим днем оно подойдет к концу.

Марк указал на Дэсмонта и Амелию с Сашей, сидевших на диване возле лифтов. Впервые Дэсмонт позволил себе выразить заботливый жест, положив руку на плечо женщины, которая что-то увлеченно рассказывала обоим своим мужчинам, и те смеялись.

Фидо и Учтивый Карл в сопровождении десятка коллег дежурили возле запасного выхода, ведущего в закрытое от посетителей фойе, куда спустится Замир Куштим с товарищами.

Виктор со своими людьми как раз сейчас ожидал там албанцев. Замир Куштим уже скоро выйдет из номера и спустится на потайном лифте в заднее фойе, откуда напрямик направится к автобусу с гибкими танцовщицами, которые всю ночь ублажали brutальных мужчин.

Роберту очень хотелось, чтобы Эрик выказал уважение представителям албанской семьи за столь долгий путь сюда. Тем более, когда их благополучие напрямую зависело от скорейшего решения кланов выделить бойцов и доставить в город необходимое оружие.

– Вон они! – воскликнул Марк, тыча пальцем на входную дверь.

Возглас Марка был таким громким, что, кажется, его услышали и Дэсмонт, и даже Виктор за стеной.

В дверях показались Эрик с Ниной. Вид их был донельзя довольный, отчего Роберт еще больше взбесился. Он тут стоит, поет траурные гимны своим нервным окончаниям, а эти двое улыбаются так, словно стали свидетелями чуда.

– Эрик, какого черта?! – не сдержался Роберт.

– И тебе доброе утро, малыш! – ответил Эрик.

Пока мужчины приветствовали друг друга, Нина приглаживала взлохмаченную прическу, будто, могла как-то исправить волосяной бардак. Если бы Вивьен увидел ее сейчас, он бы оцепенел от ужаса. А вот Изи бы похлопала в ладоши за то, что Нина одела трусики из тонкого кружева, которые Эрик сорвал одним лишь взмахом, и теперь они лежали в кармане его брюк. Почему-то этот факт заставлял Нину смеяться. И хотя Нина привела себя в более менее приличный вид перед зеркалом ванной отеля Патриши, ей все время казалось, что неряшливые мелочи вроде торчащих волос или смазанного макияжа, выдавали ее бесстыжий секрет. А потом она вспоминала развратные выходки окружающих ее мужчин, и понимала, что по сравнению с ними она – девственное дитя, и им, вообще, не в чем ее винить. Разве людей обвиняют в любви?

– Замир скоро спустится, предлагаю ждать его в заднем фойе, – Роберт, как всегда, перешел к делу, деловито поглядывая на ручные часы.

– Согласен с тобой на все сто, mon frère!¹ – радостно воскликнул Эрик.

Роберт даже нахмурился от столь приподнятого настроения друга. Давно он уже не сиял так от счастья. Но потом Роберт посмотрел на Нину, проанализировал ее маниакальные попытки поправить платье, пригладить волосы, поглубже завернуться в палантин, в общем, все те мелкие жесты, что человек делает, пытаясь скрыть стыд, и немедленно понял, что эти двое, наконец, набрались смелости признаться друг другу в том, что все окружающие уже давно обсуждали за их спинами.

¹ Mon frère – мой брат (фр.)

Роберт искренне порадовался за обоих, но в то же время какая-то легкая грусть легла на его сердце, словно он потерял что-то родное и невероятно дорогое, и он не мог понять, кто был таковым: Эрик или Нина?

– Мне нужно собрать вещи, – тихо сообщила Нина.

– Ах, да! У тебя же там целый багаж!

Нина засмеялась, вспоминая, как основательно Изабелла собрала подругу в путь. А ведь и вправду Нине казалось, что со вчерашнего вечера прошла целая жизнь, целая вечность, и сегодня она проснулась в совершенно ином мире.

– Я помогу! – тут же вставил Марк.

– Тогда план таков, – начал Эрик, – Роберт, Рудольф и я отправляемся в заднее фойе вместе с Виктором, где проводим Замира в добрый путь. Марк, Амели, вы поможете Нине собраться. Дэсмонд, остаешься внизу и контролируешь обстановку здесь. Встречаемся через двадцать минут, и разъезжаемся по домам!

Компания начала расходиться.

– А мы разве не будем отмечать заключение успешной сделки? – спрашивал Марк уже на ходу.

– Не сегодня! Мне нужно подготовить яхту, – ответил Эрик.

– Яхту? В такое время? – удивился Роберт.

– Чует мое сердце, эта яхта станет местом любовного разврата и...

– Дэсмонд, заткнись! – выпалил Эрик.

Нина с Марком и Амелией подошли к лифтам. И за этот короткий путь лицо Нины залилось яркой алой краской от слов, что она услышала.

– Не бери в голову его реплики, – начала Амелия, когда они трое отделились от компании, направившейся к дверям, ведущим к заднему фойе.

Амелия нажала на кнопку вызова лифта и добавила:

– Дэсмонд говорит все, что в голову взбредет. А приходит туда в основном дерьмо. Но он не со зла. В нем доброты очень много, просто она скрыта, как раз таки под этим дерьмом.

Нина взглянула на женщину и поняла, как сильно Амели способна повлиять на Дэсмонда с хорошей стороны. Станным образом женщина лечила израненную душу Вояки какими-то невероятными методами. И Нина была безмерно благодарна ей, словно Дэсмонд был ее душевнобольным братцем, нашедшим, наконец, свое волшебное лекарство.

– Значит, яхта? – не удержался Марк от сарказма. – Серьезно, яхта?

Нина снова почувствовала, как щеки заливают краска.

– Да ты у нас потаскушка! – воскликнул Марк и ткнул Нину в плечо.

– Перестань! – тут же шикнула она, поглядывая на Эрика, удаляющегося к дверям.

– Я не помню, когда в последний раз Эрик выходил плавать на яхте. А ты, Амели?

«Изрешети их всех!» – донесся голос откуда-то издалека.

Нина чуть повернула голову вбок, прислушиваясь к знакомым интонациям, но в следующую секунду напрягать слух не пришлось.

Раздавшаяся пулеметная очередь была такой внезапной оглушительной и яростной, что поначалу никто не понял, что это за чудовище раскрыло грохочущую пасть и где оно. И только когда пули сразили первых жертв из числа гостей, собравшихся в фойе, началась паника.

Люди забегали из стороны в сторону, прижимаясь к полу. Но они не знали, откуда ведется стрельба, а потому в первые же секунды пол фойе устлался десятками мертвецов. Были и те, кто мигом сообразили, что происходит, и спрятались за разнообразными перегородками, стенами, мебелью. Но даже там свинцовые убийцы доставали бедняг и пробивали их тела насквозь.

Амелия сразу поняла, что происходит, но вот с действиями медлила. Она уже давно заметила особенную реакцию ее головного мозга на внезапные атаки: события перед глазами происходили медленно и неестественно вяло, словно нейроны в мозгу ускорились настолько,

что время замирало, давая возможность оценить обстановку и сделать вывод, который спасет жизнь. В наиболее напряженные минуты Амелия сохраняла холодное спокойствие, эта особенность позволила ей далеко взобраться по карьерной лестнице. Когда от нее ожидали истерических рыданий, она наоборот отключала все эмоции и действовала расчетливо и невозмутимо, сдерживая порывы разума биться в панических судорогах. И хотя ей казалось, что процесс озарения длился целые часы, на деле ее замешательство не продлилось и секунды.

Она тут же определила, что огонь велся откуда-то со стороны главного входа в гостиницу. Стекла в окнах разбились в первые же мгновения обстрела, значит, стреляют с улицы. Ровное свирепое раскатистое «тра-та-та» было характерно для крупнокалиберных пулеметов. Мозг переваривал информацию, а глаза подкидывали новую: на деревянных панелях появились первые пулевые отверстия, опытный взгляд оценил их, как двенадцатый калибр, мозг выдал вердикт – пулемет.

Дела плохи.

Следующие данные, что обработал мозг, были получены от периферийного зрения: Амелия заметила, как дернулась Нина – девчонка не успела пригнуться, когда начался обстрел, и пуля быстро нашла ее.

С начала атаки прошло всего три секунды, а мозг Амелии уже решил тактическую задачу из данных обстоятельств, позволив принять единственное верное решение – надо дождаться лифта.

Время вернулось к естественному течению, когда Нина стала заваливаться набок, но уже в следующий миг Марк повалил обеих женщин на пол. Единственные данные, которые были упущены из внимания Амелии – характер ранения Нины.

В фойе гостиницы царил невообразимая суматоха. Свистящие пули разили во всех без разбора. Люди падали на бегу, кричали, раненые стонали, женщины визжали так пронзительно, что их ор перекрывал грохот пуль. Люди разбежались в разные стороны, пытаясь уйти с линии огня, и прятались за статуи, мебель, декоративные перегородки и даже за растения в горшках. Смертоносная машина продолжала сеять хаос откуда-то снаружи, люди продолжали умирать. Вскоре почувствовался металлический запах первой крови, изливающейся ручьями из под мертвых тел.

Интересно, люди хотя бы успели понять, что они умерли?

Какой-то мужчина звал на помощь, где-то плакали дети, но разъяренный монстр был глух к их мольбам и продолжал остервенело рвать человеческую плоть. Инерционная сила пуль отбрасывала людей на несколько метров, швыряла о стены и перекидывала через стойки и диваны, словно они были тряпичными куклами. Громкие булькающие охи раздавались со всех сторон, когда пули пронзали людей так легко, словно они состояли не из мышц и органов, а из желе.

Лежа на полу под Марком, Амелия наблюдала за разворачивающейся трагедией. Сегодня здесь умрет не меньше сотни человек! Каждое попадание свинцовых убийц в людей Амелия встречала неконтролируемым спазмом всех нервных окончаний, будто пули попали в нее, а не в молодого портье. Стандартный калибр «двенадцать и семь», пущенный из ствола пулемета со скоростью почти девятьсот метров в секунду был способен раздробить не то, что человеческие кости, а тридцатимиллиметровую броню. От осознания этого факта живот Амелии сжался в кулак от страха. Одна пуля могла прошить насквозь сразу нескольких людей, прежде чем застрять в последнем мертвце. Одна пуля на два человека минимум. Кто-то серьезно готовился к нападению.

– Амели! Наверх!

Крик прозвучал неразборчиво посреди ора обезумевших от страха людей и нескончаемого треска стрельбы. Мозг снова проанализировал данные и заставил взглянуть в сторону запасного выхода. Сквозь пыльное облако из разлетающихся в прах деревянных щепок, оскол-

ков стекла и мрамора, кусков штукатурки, заполонивших, точно брызги фонтана, весь первый этаж гостиницы, Амелия разглядела знакомые лица возле двери.

– Уводи ее наверх! – кричал Эрик и яростно жестикулировал, скрываясь от пуль за декоративной перегородкой.

Очередная волна с острыми осколками накрыла лежащую троицу, Амелия зажмурилась и спрятала лицо.

Не волнуйся, Эрик, она знает, что делать! Главное сам укройся в коридорах, и, ради бога, позаботься о ее Саше!

Амелия снова посмотрела на скучившихся у дальней стены мужчин, пытаясь разглядеть своего помощника, чтобы удостовериться, что он все еще жив.

Но увидела она совсем иное. Пуля пробила гипс, из которого была выполнена живописная стенка, созданная украшать своими волнистыми переливами интерьер холла. В месте входа пули гипс взорвался фонтаном ошметков, и пуля проследовала дальше. Мозг снова нажал на педаль газа и запустил процессы в ускоренном режиме, из-за чего Амелия наблюдала за тем, как пуля медленно вонзается в плечо Эрика.

Эффект замедленной съемки закончился также внезапно, как и появился в мозгу Амелии. Время восстановило ход, и удар от вонзившейся пули оказался таким мощным, что повалил Эрика с ног. На него тут же упал Фидо, закрывая шефа своим телом.

Факт того, что неуязвимый Эрик пал жертвой невидимого врага, сразил Амелию молнией с сильнейшим электрическим разрядом: сейчас все серьезно!

Наудачу троицы двери лифта открылись. В ту же секунду маленькие свирепые убийцы вонзились в большие зеркала, обрамленные прекрасной золотой лепниной, установленные в кабине лифта, и те взорвались с оглушительным дребезгом. Какой-нибудь ценитель скульптурного искусства, наверняка бы разразился плачем от уничтожения столь прекрасного ручного творения.

– Марк, ползи внутрь! – заорала Амелия, перекрывая свист пуль и звон зеркал.

Долго убеждать Марка не пришлось, он тотчас же заполз в кабину.

– Тащи ее! – командовала Амелия.

Марк не сразу понял, что Амелия имеет в виду, потому что был уверен, что Нина следует за ним. Но Нина продолжала неподвижно лежать на полу. Тогда он понял, что Нина без сознания, и сердце его болезненно сжалось в тиски. Он схватил Нину за предплечье – столь тонкое и холодное, что можно было подумать, будто она уже начала остывать, и одним рывком втащил внутрь. Амелия заползла следом и стукнула по кнопочной панели ладонью. И стучала, и стучала, и стучала по ней до тех пор, пока стальные двери лифта не закрылись, спасая троицу от ада, разразившегося на первом этаже Башни.

Аларик вернулся в машину и бросил Ханне на колени бумажный пакет с едой. Оттуда пахло гамбургерами и жареной картошкой. Судя по ввевшимся пятнам на его одежде – стандартный рацион Аларика последние сотню лет. Ханна не заглянула в пакет, хотя удивилась подобной щедрости.

– Я не голодна, – холодно бросила она.

Ее настроение не стало лучше ни на йоту, даже когда она узнала, что за один час работы стала богаче на двадцать тысяч.

– Ты слишком серьезно относишься к работе, – ответил Аларик, жуя картошку фри.

– Я слишком серьезно отношусь к превышению полномочий. Вы это хотите сказать, сэр? – произнесла Ханна с нарочитым сарказмом.

– Эй, я всего лишь пытаюсь выжить в том мире, что господь создал вокруг меня! Не моя вина, что из-за него я стал ненавидеть людей... и почему-то мне кажется, что ты – тоже.

Ханна уставилась на него взглядом полным протеста. Но почему-то возразить не посмела. Кажется, Фальк был прав, у Аларика с Ханной было что-то общее.

Аларик завел машину, и они поехали на очередное «прибыльное место», как его описал Аларик.

– Давай колись, как это произошло? – спросил он, сворачивая на центральное городское шоссе.

Ханна молчала.

– Помни, что от моей расположенности к тебе зависит твое будущее в убойном, пупсик, – Аларик не стеснялся махать козырем у нее под носом. А также жареным бруском картошки, от которого противно пахло старым маслом.

Ханна тяжело вздохнула, попросила господа дать ей сил не убить эту мразь до шести вечера и ответила:

– Кто-то в академии обнародовал мое личное дело. В один прекрасный день я пришла на учебу, и поняла, что мир изменился.

На секунду в машине стихло. Аларик анализировал услышанное, закидываясь картофелем и попивая пиво. Он определенно боролся с похмельем. Ханна решила не указывать ему на то, что распитие алкогольных напитков за рулем во время работы и среди бела дня без бумажного пакета – сразу три административных нарушения в одной бутылке. Сегодня она уже участвовала в похищении и пытках, так что пиво за рулем – просто ясли-сад.

– Ясно, обзавидовались, значит, – заключил Аларик.

Да, это было так. Ханна была подозрительно успешной во всех дисциплинах, это сразу вызвало недоверие к ее личности. Природой заложено, что мужчина и женщина превосходят друг друга в разных областях, будто господь поделил способности между ними поровну. И когда появляется человек, так сказать универсальный, окружающие начинают задаваться вопросами.

– Я сама была неаккуратной. Не нужно было выбиваться в отличницы по всем предметам. Люди завистливы...

– Люди – гавно! Вот, что я тебе скажу! – внезапно перебил Аларик, будто Ханна только что оскорбила его. – Ты была лучшей, а они – неудачниками. И это – факт! Признай его и живи дальше! С какой стати ты, вообще, должна поддаваться желаниям толпы, и казаться людям хуже, чем ты есть на самом деле?!

Хоть Аларик и говорил это Ханне, она заподозрила, что обращался он к самому себе. Коллеги ненавидели его за успехи и сосредотачивали внимание на его проделках и махинациях, раздувая их до предательства клятвы стража порядка. Но на деле же их сплетни и рассказы базировались на элементарной зависти, ведь ему удавалось раскрывать больше преступлений, чем товарищам. Еще одно совпадение в копилку общих черт лейтенанта и офицера. Они оба – изгой из-за своей исключительности.

– Ну, а ты хоть...

Аларик запнулся, подбирая слова. Ханна уставилась на него с вызовом, понимая, какой вопрос он хочет задать. Рано или поздно все, кто знают правду, задают ей один и тот же вопрос.

– Я в смысле...там... что у тебя там? – беглым взглядом Аларик сконфуженно указал на ее промежность.

Ханна смотрела на него с омерзением, словно, он натворил что-то действительно аморальное.

– Ой, да ладно тебе! – воскликнул он на ее взгляд. – Я должен был спросить!

Ханна покачал головой, мол, что взять с придурка?

– Я – женщина! – выпалила она.

– Ну, с виду – согласен, – кивнул Аларик. – А внизу то что?

– И внизу я тоже женщина! – гневно огрызнулась Ханна.

Господь точно доиграется с ее терпением, потому что еще чуть-чуть, и она пристрелит Аларика.

– Понятно, – протянул лейтенант, рисуя картины в голове.

– Можно, наконец, сменить тему? – нервно буркнула Ханна.

– Конечно! А парень-то у тебя есть?

Ханна закатила глаза. Но она понимала, что, во-первых, Аларик не отвяжется, пока не умиротворит свое любопытство. Во-вторых, такие разговоры о личной и даже интимной стороне жизни могли положительно сказаться на его рекомендациях Фальку по ее душу. Поэтому Ханне пришлось прикусить свой гнев и начать выстраивать с лейтенантом дружеские отношения.

– У меня есть девушка, – тихо ответила она.

Аларик уставился на Ханну глазами полными недоумения.

– Что за черт? Зачем так усложнять? – наконец, воскликнул он.

Ханна молчала.

– Раз любишь девок, оставайся мужиком!

– Вам не понять.

– Это уж точно! – фыркнул Аларик. – Глупость какая-то. Был пацан, потом он отрезал себе пенис, увеличил грудь, еще и гормонов, небось, пьешь каждый день с целую горсть! И вот тебе на! Встречаешься с девкой! Нелогично как-то!

– А однополые пары – логично? – спорила Ханна.

– Но ты не одного с ней пола! Ты – мужик!

– Я – женщина! Я – женщина уже десять лет! Мы можем сменить тему?!

– И как это происходит? – видимо, тему сменить было нельзя. – Теперь ты надеваешь искусственный член, чтобы потрахать свою девку? Чем тебе мешал натуральный?

– Ох, какой же ты – мерзкий поддонок! – плюнула Ханна и ушла в окно, решительно объявляя конец разговора.

Но Аларика было не остановить.

– Слушай, да ты реально – псих. Я думал, я – псих. Но ты меня уделала. Тебе однозначно прямая дорога в Отдел убийств. Будешь нам профиль маньяков рисовать, ковыряться в их ушибленных мозгах и рассказывать, о чем они думают. Потому что ты – определенно из их среды! Я никак понять не могу, что творится у тебя в голове!

Ханна разозлилась так, что уже готова была врезать этому куску дерьма! Но на его счастье, и именно на его, зашуршала рация, и послышался женский голос диспетчера.

– Тридцать шестой, выйди на связь.

Аларик снял рацию с панели и ответил:

– Что там, конфетка моя?

– К нам приходят какие-то непонятные звонки о стрельбе возле гостиницы «Хаммель-Гарден». Ты находишься ближе всех, – быстро проговорила диспетчер.

– Ой, да фейерверки пускают! Они всю ночь там развлекались и сейчас тоже самое! – устало буркнул Аларик.

Он совершенно не хотел отклоняться от маршрута. В одной из булочных на побережье его ждут десять тысяч откупных с точки торговли героином, на которую он закрывает глаза.

– Вот и пусть развлекаются. А ты съезди и проверь, – диспетчер была неумолима.

– Ты все припоминаешь мне тот ужин? Ну, забил я твой унитаз, что с того?! У меня был запор целую неделю! Я что виноват, что мои сокровища решили вылиться из пещеры в твоем туалете?! Не надо было заказывать буррито! – Аларик злобно отбросил рацию.

Диспетчер на его выпад не отреагировала, видимо, наслаждаясь своей властью над душой Аларика, ведь именно она решала, кого отправить на тот или иной вызов. Не в той службе ты врага себе заимел, лейтенант!

– Сабрина! – с довольством произнес Аларик, указывая на рацию, будто в ней пряталась диспетчер. – Она без ума от меня!

Ханна смотрела на Аларика и не понимала, что в этом омерзительном грубияне находили женщины. Сколько бы гормонов она ни пила, но природу не обманешь, Ханна никогда не обзаведется «женским» мозгом.

– Ну, что? Поехали, глянем на фейерверк!

Аларик вытащил с заднего сидения мигалку, установил ее одной рукой на крышу, и включил. Красно-синий огонек тут же истошно завопил, мол: «Расступитесь все! Иначе я сейчас лопну!».

Серебристый Ягуар Куп поспешил к Хаммель-Гарден.

– Твою мать! – кричала Нина в агонии.

И этот выкрик, такой нехарактерный для нее, и, скорее всего, привитый богатым ненормативным лексиконом Дэсмонта, так ясно обозначил катастрофичность ситуации, в которой находились трое.

– Главное – жива! – воскликнул Марк.

Но Нину это мало утешало. Боль в бедре была такой мучительной, что хотелось оторвать его и выбросить. Нину посетили идиотские мысли о том, как было бы здорово, если бы существовали магазины, торгующие частями тела, как магазины, продающие запчасти для автомобиля. Сломалось что – пришел, купил, поменял. Да еще протюнинговал и цвет выбрал!

– Покажи! – командовала Амелия.

Нина отняла руки от бедра. Кровь тут же захлестала из черного отверстия. Вот, наконец, ты и увидела в реальности то, что Монстры показывают тебе в фантазиях. И в очередной раз Нина убедилась в том, что картинки в ее голове – ничто по сравнению с реальной болью и реальной кровью.

Амелия быстро, но аккуратно осмотрела бедро. Прощупав его с обратной стороны, Амелия пришла к неутешительному выводу:

– Пуля осталась внутри!

Ей тут же вспомнились мысли о том, что прежде чем застрять в человеке, пуля пронзит кого-то еще. Пуля в бедре Нины отняла чью-то жизнь.

– Это же хорошо? Кровотечения не будет! – Марк, как всегда пытался найти позитивные моменты.

– Не совсем. Я понятия не имею, задета ли артерия! – ответила Амелия, срывая с плеч Нины палантин и скручивая его в канат.

– Не задета, – выдохнула Нина, тяжело дыша.

– Откуда ты знаешь?

– Поверь ей, она знает! – поддержал Марк.

Амелия до сих пор с трудом принимала на веру рассказы о каких-то паранормальных способностях этой девчонки, оставляя слухи другим. Но сегодня ей придется поверить в то, что Нина умеет определять степень тяжести ранения, потому что от этого зависит жизнь самой Нины в первую очередь. Амелия туго обмотала палантин вокруг раненого бедра Нины и завязала. На какое-то время этого хватит. Но сосуды и вены будут разбухать при ходьбе, и рано или поздно кровотечение возобновится. А ходить Нине придется, потому что в лифте оставаться нельзя.

И словно в подтверждение мыслей Амелии, лифт остановился. Звук, с которым это произошло, был необычным, словно у лифта кончились батарейки или бензин. В ту же секунду свет потух, и троица осталась в полной темноте.

– Что за чертовщина? – выругалась Амелия.

Так они сидели в тишине около трех минут, прислушиваясь к продолжающейся пальбе где-то под ними. Наконец, в лифте зажглось красное освещение. Марк первым сообразил, что это значит.

– Запасные генераторы заработали! Ублюдки вырубili трансформаторную подстанцию!

Амелия переглянулась с Марком. При таком освещении они были похожи на вампиров, проснувшихся где-то в своей пещере, готовые к новой охоте на людишек.

– Генераторы будут питать только самые необходимые объекты в здании: свет, электронные замки, противопожарную систему и прочее, – объяснял Марк.

– Сволочи! – выругалась Амелия. – На каком мы этаже?

Оба уставились на табло. Горела цифра пять.

– Недалеко забрались, – констатировала Амелия, – надо выбираться!

Оба встали с пола и принялись за попытки раздвинуть стальные двери.

– Я должна была предвидеть, – прошептала Нина, – должна была!

– О чем она? – кряхтела Амелия.

Марк не стал отвечать, потому что Марк думал о том же: почему она не предвидела это? Что произошло с ее даром?

Нина стискивала зубы от невыносимой боли, физическое состояние усугубляло ее угрызения совести. Утром она приняла решение отключиться от видения и образов. Глупая была затея! Глупая! Нельзя было этого делать в такое опасное время! Захотелось побыть влюбленным человеком, остановить момент, продлить прошлое? А в итоге получила совсем безрадостное настоящее!

Она совершенно точно знала, что Эрик ранен. Она чувствовала его боль в плече, но он был жив. Преодолевая боль, Нина пыталась долететь на невидимых волнах до нападающих и увидеть их мысли, переговоры, цели. Но она получила серьезное ранение, и оно ослабляло ее силы, которые теперь приходилось тратить на борьбу с физической болью. Нина просчиталась. И ценой ее просчета служат десятки уничтоженных жизней, а вскоре может отнять и ее собственную!

– Кажется, пошло! – пыхтел Марк.

Двери, наконец, поддались усилиям двоих. Преодолев порог автоматического открытия, они с легкостью разъехались по сторонам, обнажая кирпичную стену шахты.

– Надеюсь, мне не отрежет ноги, как в каком-нибудь фильме ужасов, – выдохнул Марк.

– Пошевеливайся! – Амелии было не до шуток.

В самом верху оставался проем шириной в метр, ведущий на пятый этаж. Марк с легкостью подтянулся и вылез наружу. Амелия помогла Нине подняться.

– Твою мать! – снова выругалась Нина и вцепилась мертвой хваткой в предплечье женщины.

Из-за изменения положения с горизонтального на вертикальное рана начала пульсировать новыми волнами чудовищной боли, и Нине понадобилось несколько секунд, чтобы просто прийти в себя от столь жестокой пытки. Ей богу, то, что творили с ней Монстры в ее видениях, всего лишь цветочки по сравнению с реальной болью!

Марк схватил Нину за руки и вытащил из лифта. Потом он помог Амелии, и все трое вскоре лежали на полу, восстанавливая дыхание.

– Кажется, стрельба внизу утихла, – прошептал Марк.

Амелия прислушалась. И вправду, пулеметных очередей больше не было слышно.

– Это не хорошо, – произнесла Нина, дыша так, словно преодолела беговую дистанцию.

Амелия объяснила то, что Нина имела в виду:

– План зачистки подошел к концу. Сейчас они вышлют пехоту.

Аларик подпевал громкой рок-музыке, раздающейся раскатистыми басами из мощных колонок в автомобиле, и лихо крутил руль, объезжая другие машины и дорожные препятствия. Мигалка на крыше истошно вопила с истерикой не меньшей, чем громкость музыки. У Ханны от страха сперло дыхание, когда они обгоняли грузовик и чуть было не врезались в металлическое ограждение, разделяющее встречные полосы движения. Аларик успел резко крутануть вправо, возвращаясь на полосу, и засмеялся, точно сбежавший из психбольницы безумец.

– Одна из причин, по которой я стал полицейским – это мигалка! – Аларик пытался перекричать ревушую музыку, стучащую по барабанным перепонкам в ушах.

– Можно ездить, вообще, как хочешь! Хоть по газону, хоть со скоростью двести километров в час! Обожаю такие моменты! – возбужденно орал лейтенант.

Ханна вцепилась мертвой хваткой в ручку двери и с круглыми от страха глазами наблюдала за тем, как они лихо виляют между автомобилями. Она не могла произнести ни слова, потому что страх сковал голосовые связки, желудок, мозг и задницу, заставив ее вжаться так глубоко в сидение, что прощупывался его металлический каркас. Все, что она могла сделать, это смотреть на ошарашенных водителей в других машинах и посылать им зрительный сигнал типа: «Я не знаю этого психа! Я, вообще, заложник!».

Нет, все-таки она была права, когда думала, что сегодня кто-то из них двоих умрет. Если она не пристрелит Аларика, как бешеного Куджо, то он убьет ее в автомобильной аварии.

Вскоре вдалеке показалась Башня Хаммель-Гарден, и Ханна с облегчением вздохнула, потому что сумасшедшей езде пришел конец, а она все еще жива. Отцепившись от ручки двери, Ханна разминала затекшую ладонь, пока Ягуар вливался в плотный автомобильный строй.

Гостиница имела чуть больше тридцати этажей и была одним из первых небоскребов, построенных в столице. Десять лет назад она считалась чудом света, и туристы обязательно фотографировались на ее фоне. До сих пор в сувенирных лавках продавали открытки с ее изображениями. На сегодняшний момент соседние здания уже давно перещеголяли ее в высоту, но гостиница по-прежнему оставалась одной из главных достопримечательностей столицы. Она словно была стариком в окружении молодого поколения. Пусть дети быстрее и ловчее старика, но они всегда будут смотреть на него с уважением и легким трепетом перед более длинной историей его жизни.

Особенно хорошо Башня просматривалась с холмов, на котором располагался центральный городской парк со смотровой площадкой. Ее огромная вывеска «Хаммель-Гарден», расположенная на крыше, ярко светилась разными цветами в зависимости от времени суток: утром это был насыщенный красный, подражающий рождающейся заре; днем – ярко-зеленый, вторивший смыслу названия²; а вечером – она весело переливалась десятками цветов от фиолетового до едко-розового, словно она тоже веселилась до утра вместе с жителями столицы. По субботам на крыше Башни устраивалось световое шоу, которое горожане обожали и встречали с восторгом, наблюдая за разноцветной игрой софитов и прожекторов, пронзающих ночное небо. Казалось, столь яркий свет был виден даже инопланетянам в соседней галактике.

По мере приближения к Башне трафик на дороге становился плотнее, и это было странным, потому что в полдень воскресенья дороги всегда пустыньны. Возможно, наплыв туристов на День города создавал такие помехи, а если где-нибудь в центре произошла автомобильная авария, то может создаться пробка не меньше, чем в будние дни.

Но вскоре слух Ханны привлек странный звук. Ханна не верила в интуицию. Она считала, что все догадки, которые неожиданно посещают мозг – результат его подсознательной работы, который постоянно обрабатывает тонны поступающей извне информации, а ты и не замечаешь. Все равно, что работаешь за компьютером, а он в это время сканирует систему на вирусы. Такой некий полезный бонус. И сейчас в груди Ханны завибрировало это таинственное

² Garden – сад (англ.)

устройство, сигнализирующее о том, что едва слышимый треск вдалеке – сбой в нормальной работе окружающего мира.

– Выключи музыку! – гаркнула она.

Аларик – опытный вояка, он тоже услышал странный шум, и когда Ханна бросила приказ, его рука уже тянулась к радио.

Последней Аларик с печальным лицом выключил мигалку. Казалось, его эйфория тут же растворилась в молчании. В машине стихло, и они, наконец, смогли прислушаться к странным глухим ударам, раздающимся откуда-то спереди. Автомобильные клаксоны и сигналы требовали ускорить общее движение, недовольные образовавшейся пробкой водители раздраженно били по рулю и даже что-то выкрикивали, сами не зная, кому. И лишь двое полицейских в Ягуаре осознавали, что происходит нечто подозрительное.

– Это может быть фейерверк? – опасливо спросила Ханна.

Аларик долго молчал, пытаясь ответить на ее вопрос. Он был резонным, потому что сегодня пиротехнические средства продолжают совершенствоваться, индустрия развивается, рождая новые и замысловатые огненные залпы. На каком-то праздновании в Китае он даже видел дракона, созданного из разноцветных залпов. Учитывая, что последние два дня в столице празднуют День города, предположение Ханны было разумным. Но что-то подсказывало Аларику, что это – далеко не фейерверк.

По мере приближения к гостинице обоих полицейских все сильнее атаковал конфликт умозаключений: глухой треск, отдающийся легким эхом, был похож на автоматную очередь, причем настойчивую и долгую, она работала уже около пяти минут без остановки. Но что же это за бесконечный магазин с патронами? Возможно, пулемет? Но каким образом пулемет провезли незамеченным в самый центр города?

Никто из двоих не осмелился отбросить предположение о новом виде пиротехнических залпов, хоть оно и становилось все более сомнительным. Просто оно было желаннее.

С приближением к Башне плотность машин возрастала, Ягуар Куп замедлил ход до тридцати километров в час. И тут Аларик все понял!

– Это точно не фейерверк! – выдохнула Ханна, словно прочитала его мысли.

Аларик понял, почему образовалась пробка – впереди был затор, что-то преградило путь на центральной улице, потому что за то время, что они пробирались к Башне черепашим ходом, по встречной полосе не проехало ни единой машины.

Аларик снова включил мигалку, вывернул резко влево и выехал на пустую встречную полосу, чтобы скорее добраться до причины беспорядка и разрешить спор догадок в голове. Когда до гостиницы осталось всего полсотни метров, звук пулеметной очереди стал очевидным, как и причина затора: впереди виднелись десятки брошенных автомобилей, и с каждой секундой их становилось все больше. Водители выскакивали из машин и, не закрывая дверей, бросались наутек. Кто-то забегал в ближайшие магазины, рестораны и кафе, чтобы спрятаться там за стенами. Другие просто бежали вдоль улиц подальше от опасности. Где-то вдалеке виднелся черный дым – так горит двигатель при автомобильной аварии.

– Живо вызывай подкрепление! – скомандовал Аларик.

Он петлял между людьми, бегущими в панике прямо по дороге. Еще не хватало ему переехать кого-нибудь ненароком!

Ханна мигом сняла рацию и затараторила:

– Тридцать шестой вызывает диспетчера! Нам срочно нужно подкрепление...

Но Ханна не успела договорить. Ее взгляд поймал в воздухе быстро приближающуюся к ней реактивную гранату. Уж не знай, откуда она поняла, что это – реактивная граната, а не огромный голубь или утка-мутант. Она ведь никогда не видела таких гранат вживую. Хотя и огромных голубей и деформированных уток она тоже не встречала. Может Ханна поняла, потому что эта штука оставляла за собой белый дымчатый след и разрезала воздух с характер-

ным свистом. Ее пустили откуда-то со стороны Башни. Ориентировочно со второго или третьего этажа. Это была предпоследняя мысль, посетившая мозг Ханны. Последняя была таковой: длинный ствол дьявола летел точно в серебристый Ягуар Куп.

Карим следил за экранами мониторов, установленных в бронетранспортере, за металлическими защитными листами которого он укрывался вместе с двумя помощниками: лысый великан Осман с растатуированным этническими орнаментами лицом и в противоположность ему черноволосый и с густой растительностью на лице Доха – одни из оставшихся первых Пастаргаев. Именно эти двое курировали работу разрушенной лаборатории в Арнеме. Они были в ней в ту ночь, когда бойцы Эрика разнесли ее в щепки. Что ж, теперь их очередь разрушать твой мир до основания, Эрик Манн!

Внутри бронетранспортера было жарко, а с течением времени становилось все более душно. Но мужчины едва замечали скопившиеся над губой капли пота, они сосредоточенно следили за передвижениями групп бойцов, координируя их между собой.

Карим сидел чуть позади сподручных, так ему было удобнее наблюдать за действиями, разворачивающимися в фильме под названием «Прощай империя Эрика!». Ведро с попкорном только не хватало и банки пива.

Карим вспомнил, как накануне вечером он смотрел новости по телевизору. О торжественном приеме в Башне Виктора Хаммеля не говорили разве что бомжи в подворотнях. От кадров роскошно украшенного банкетного зала белоснежными скатертями, хрусталем, цветочными садами и фигурами изо льда Кариму хотелось блевать. Снобистские замашки Виктора казались нарочито вычурными, словно он отвлекал внимание общественности от своей темной стороны бизнеса как можно большим количеством помпезных деталей и друзей из различных министерств.

Циничный выпендрожник!

Но на счастье Карима звезды сложились невероятно удачно, потому что во время репортажа на экране мелькнуло лицо Эрика, передаваемое в прямой трансляции из Хаммель-Гарден. Эти двое весело смеялись над чем-то, и тогда Карим понял, почему Томас так внезапно покинул свой излюбленный особняк, который возводил, очищал и украшал так старательно и ювелирно. Ублюдок Манн спелся с Виктором Хаммелем – единственным надежным опорным пунктом для Томаса в этих краях.

Какая досада!

Впервые удача отвернулась от Томаса. Что интересно он на это сказал? Предпочел сделать вид, что ничего существенного не произошло? Или признал, что перестал быть фаворитом удачи? Может, это потому что он слишком долго оттягивает момент атаки? Слишком тонка кишка, чтобы войти в схватку без своего многочисленного арсенала? В самом деле, Томас, сколько уже можно его копить? Эрик не дремлет и ищет союзников в предстоящей войне, и вот, что ты получил, Томас – ты потерял свой шанс! Как только Карима посетила эта мысль, его вдруг озарило, что Провидение, в которое так верил Томас, теперь возлюбило Карима и одарило его необычайной удачей! Иначе как объяснить то, что ему словно перстом указали, где кроется Эрик в данный момент? Видимо, Карим стал достаточно сильным и отважным, раз удача усадила его перед телевизором и показала, что Эрик, наконец, вышел из своих глубоко защищенных нор, предоставив Кариму небывалый шанс нанести удар по компании. Непредвиденный и молниеносный!

Карим немедленно начал подготовку к атаке. Он объявил срочный сбор главарей его армии на складе Бекир Арифа, где быстро изложил свой план. Многие были удивлены столь внезапным решением организовать нападение меньше чем через двенадцать часов, но в то же время столь неукротимый авантюризм опьянял героизмом и имел чрезвычайно высокие шансы на успех по причине все той же неожиданности. Эрик определенно не ожидал мощного стре-

мительного удара по его силам, потому что в данный момент веселился с Виктором на вечеринке, подкупая новых сообщников в кулуарах власти. Пора подать ему бодрящий завтрак!

Пробраться внутрь гостиницы у Карима не было ни единого шанса, потому он разместил несколько человек вокруг здания, чтобы вести слежку за Эриком. По наличию на улицах бойцов из свиты Эрика, можно было понять, что тот все еще внутри.

По какой причине Карим выбрал полдень, как время атаки, он и сам до конца не понимал. Возможно, он хотел уничтожить как можно больше сподручных Эрика. А может, он хотел громко заявить о себе устрашающим количеством мертвецов, которыми устелет тропу на пути к трону. Криминальный мир признает лишь смерть, как метод достижения целей. Чем больше людей ты отправишь на тот свет, тем достойнее будешь казаться противникам.

Ровно за полчаса до атаки кортеж, состоящий из трех броневых машин пехоты, бронетранспортера и дюжины бронированных джипов, начиненных расвирепевшими от предвкушения скорой схватки бойцами с самым серьезным вооружением, которое когда-либо видел город, выехал с мебельного склада Бекир Арифа и направился точно в центр.

БМП окружили здание с севера, востока и юга, борзо перекрыв движение на автомобильных дорогах. В ближайшие пару часов в это кольцо не попадет ни единая душа извне, а из здания не выйдет ни один живой человек. Боевые машины защищались толстой броней, которую пробьет разве что противотанковая ракета, и были оснащены пушками тридцатимиллиметрового калибра – достаточного, чтобы стереть в пыль целое здание.

Карим смеялся, когда на экранах мелькали испуганные военной техникой прохожие. Водители без раздумий бросали свои автомобили прямо посреди дороги и с криками убегали прочь. Они еле успели унести ноги до того, как началось представление, и первые пули полетели в сторону гостиницы.

Бронетранспортер занял позицию в пяти метрах от БМП-север, которая вдобавок к пушке была оснащена двенадцатимиллиметровым пулеметом, орудовавшим в настоящий момент. Группы бойцов в это время рассредоточивались по территории, заходя в здание с разных сторон.

Снаружи раздавался громкий ровный бой пулемета. Карим наблюдал на мониторе за тем, как он превращал первый этаж гостиницы в фарш из бетона, стекла и человеческой крови. Пулемет медленно поворачивался из стороны в сторону, прочесывая каждый сантиметр первого этажа двенадцатым калибром пуль, которые пробивали наружные стены, как нож масло. Изнутри слышались крики людей, которые с каждой минутой становились все тише.

Карим с наслаждением представлял, что где-то там в адском хаосе Эрик Манн со своей компанией прячется от Карима, и у него совершенно точно отпечаталось выражение ужаса на лице. Может, он уже лежит мертвый где-то посреди фойе отеля и жалобно скулит от страха перед надвигающейся смертью. Хотя Господь вряд ли преподнесет столь щедрый подарок Кариму. Томас часто повторял про то, что удача любит бесстрашных, и Эрика она определенно любила. Что интересно она скажет теперь? Скольких ангелов-хранителей призовет на помощь, чтобы защитить задницу Эрика? Карим сделал все так, чтобы усилия ангелов, дьявола и всяких магических фей оказались напрасными, потому что он подготовился основательно к сегодняшнему мероприятию. Броневой и огнестрельной техники ему хватит, чтобы сровнять весь центр города с землей.

Карим погладил ноющее плечо, как печального питомца, словно обещая тому скорое облегчение, когда он снесет Эрику Манну башку, а на трупе Дэсмонда попляшет.

На двух мониторах виднелись кадры с камер, установленных на крышах других БМП, окруживших здание. Благослови тебя Господь, Томас ван дер Мейер за столь чудесный подарок! Твоя щедрая натура наградила армию Карима винтовками, автоматами, гранатометами и пулеметами, а про гусеничных чудовищ, которые сегодня воюют лишь где-то в арабских

пустынях, Карим даже и мечтать не мог! Сегодня он определенно впишется в историю и станет легендой!

Третий монитор демонстрировал сигнал с камеры наблюдения, закрепленной на шлеме Акрома, который возглавлял группу бойцов, в чью задачу входил подрыв трансформаторной станции, расположенной на заднем дворе гостиницы. Как раз только что ребята установили заряды на будки.

Через пару минут раздался громкий взрыв. Теперь гостиница обесточена, а значит, лифты не работают. Никому не спрятаться на верхних этажах, а лестницы в здании заполонят его бойцы.

Четвертый монитор демонстрировал сигнал с камеры на шлеме Малика, который пять минут назад выгрузился из вертолета с двумя десятками бойцов на крышу Башни. И снова Карим ликовал и благодарил Томаса за то, что тот наделил армию Карима крыльями. Отряд бойцов быстро устранил дежуривших на крыше противников, и Малик уже расположил волшебный чемоданчик с подавителем коммуникационных сигналов. Совсем скоро все, кто находится в радиусе пятисот метров, лишится сотовой связи. Ни Виктор, ни Эрик, ни их союзники не смогут вызвать подкрепление.

Карим наслаждался тем, что его план шел точно по расписанию: они закрыли все пути к отступлению, все возможные коридоры для доступа помощи, и все, что им осталось, это обшарить крепость в поисках короля. Времени у них достаточно. Пока правоохранительные органы сообразят, насколько серьезная заварушка развернулась, и примут соответствующие меры, пройдет не один час. Тупые полицейские будут посылать патрули на разведку, думая, что это – очередное вооруженное нападение, с которым под силу справиться двум нарядам. А чтобы продлить период заблуждения, для несчастных полицейских экипажей Карим приготовил сюрприз, который превратит их в пушечное мясо.

Остальные четыре монитора показывали сигнал с камер других многочисленных групп бойцов, которые вторгались в здание с разных позиций, включая запасные выходы и пожарные лестницы.

Внезапно зашуршала рация, и мужской голос с той стороны прохрипел:

– Карим, это «Закат».

Карим тут же понял, что говорит группа из двух бойцов, дежуривших на пролете третьего этажа западной пожарной лестницы.

– К нам приближается машина с мигалкой. По всей видимости – полиция.

– Ты знаешь, что делать! Никого не подпускать к Башне до тех пор, пока труп Эрика Манна не будет развеиваться над зданием подобно флагу! – злостно проревел Карим.

Ему казалось, что он дал четкие указания своей сотне бойцов, и на глупые отвлекающие вопросы сейчас не было времени. Ему наплевать на то, сколько людей сегодня погибнет, ему наплевать на то, что он вовлечет себя в войну с правоохранительными органами. Сегодня он начал войну за престол, и он должен выиграть ее! А когда он уничтожит компанию Эрика, то станет новым королем империи, и тогда ему точно не будет дела ни до полиции, ни до самого бога!

Наблюдательные посты были установлены на двух балконах третьего этажа: на северо-западном и юго-восточном углах. Это были идеальные позиции для наблюдения за всеми дорогами, что проходили возле гостиницы. Каждый пост был вооружен гранатометом.

Получив приказ, бойцы отложили бинокли, зарядили РПГ реактивной гранатой, и через пару секунд Карим услышал доносящийся снаружи свист. Немедленно последовавший за ним оглушительный взрыв был уже вторым с начала штурма, и это доставляло Кариму неописуемое удовольствие! Он чувствовал себя богом, вносящим новые коррективы в мир, что создал за семь дней. Казалось, даже вечно ноющее плечо испытало оргазм.

На мониторе Карим наблюдал за тем, как граната вонзилась точно в асфальт перед серебристой машиной с мигалкой. Это был не полицейский патруль, судя по гражданской машине, а скорее кто-то на задании, кого заодно послали проверить ситуацию возле «Хаммель-Гарден». Вырвавшаяся на волю взрывная огненная волна подняла автомобиль в воздух на несколько метров, перевернула и отшвырнула с такой силой, что он с треском врезался в рядом стоящее офисное здание, а потом приземлился на тротуар, перевернувшись кверху брюхом, точно беспомощный таракан, похороненный под посыпавшимися сверху разбитыми стеклами и облицовочными кирпичами.

Голова гудела так, словно ее раздавило под кувалдой, рухнувшей на него с небес. Когда он был маленьким, он часто задавался вопросом: как мультяшные герои выживали после такого удара? Но вот сейчас он лежал подобно тем нарисованным злодеям и, кажется, готов был дать ответ на свой вопрос.

Невероятные везунчики!

Саша открыл глаза, и новая волна чудовищной боли проткнула затылок. Лучше этого не делать, лучше не пользоваться глазами, если мозг противится. Поэтому Саша снова закрыл их, и стал играть в те игры, которые так нравились Амелии: она завязывала ему глаза шарфом и облизывала и ласкала его тело во всех возможных местах. Она говорила, что при отключении одного из пяти чувств, остальные четыре обостряются, ведь не зря эволюция дала такое количество органов, воспринимающих окружающую информацию. При отключении одного из них остальным приходится работать в усиленном режиме, чтобы обработать все то же количество данных, поэтому ее прикосновения и ласки ощущались особенно ярко с закрытыми глазами.

Амелия была права, как и всегда.

Саша попеременно подвигал пальцами рук и ног, согнул колени и локти, ощупал торс в поисках ран и кровотечений. Вывод: он хорошенько помят, но не более. Саша принялся изучать голову. И хотя рука была вялой, и он едва ею руководил, пальцы все равно нашли то место на голове, которое заставило мозг биться в судорогах от яркого света. Сквозь пышную каштановую шевелюру на затылке он нащупал кровотокающую припухлость. Скорее всего, рассечение и совершенно точно – сотрясение мозга.

Саша набрал воздуха в грудь и осторожно открыл глаза. Спустя несколько минут он смог оглядеться без особых головных болей. Саша лежал под перевернутым диваном среди обломков мебели и ошметков мрамора. Саша с трудом выполз из своеобразной берлоги и понял, что этот диван спас его от деревянной декоративной колонны, корпус которой перебили крупнокалиберные пули, она не удержала свой собственный вес и упала на диван, под которым лежал Саша.

Он похлопал диван с бордовой обивкой, словно благодарил усопшего кореша, принесшего себя в жертву ради спасения Саши, и только сейчас понял, что ничего не слышит. Вообще, ничего. Все вокруг словно замерло, либо вымерло.

Сколько он был в отключке? Как долго стрелял тот пулемет? Где все остальные люди? Вокруг царил такая разруха, словно он оказался где-нибудь в Восточной Европе посреди гражданской войны. Стены фойе были изрешечены огромными дырами, мебель разворочена до пружин и поролона, сметена то в кучи, то по углам, точно ураганом. Везде лежат куски строительных отделок, стекол, мраморные ошметки были особенно острыми.

Саша, наконец, определил свое местонахождение. Это была зона отдыха с диванами и креслами, расположенная вдоль восточной стены фойе. Недавние события тут же вспыхнули в памяти.

Они сидели на одном из этих диваном с Амелией и Дэсмондом, потом появился Эрик. Амелия ушла с его девчонкой в номер, чтобы собрать вещи. Дэсмонд провожал Эрика до запасного выхода, и тут прогремели первые выстрелы. Саша машинально достал пистолет из кобуры,

как и все остальные телохранители. Секунды озадаченности стоили некоторым из них жизни. Саша тоже не сразу сообразил, что огонь ведется пулеметом с улицы, но судьба решила пощадить его, и пули просвистели мимо. Саша упал на пол, понимая, что это – единственное правильное решение в подобных обстоятельствах. Двенадцать и семь – калибр суровый, он может пол башки снести, если выстрелить им в упор. Саша видел подобное, когда служил бойцом спецотряда по борьбе с терроризмом. Тогда один псих взял в заложники целый жилой двухэтажный дом, и расстреливал невинных людей в упор.

В какой момент Саша потерял сознание, он не помнил. Видимо, какой-то кусок оторванного мрамора приземлился прямо ему на голову, этим объяснялась и резаная рана.

Так, отлично, предысторию он вспомнил. Теперь следующий вопрос: что делать дальше? Необходимо найти своих!

На первом этаже находилось порядка сорока телохранителей из свиты Виктора, еще двадцать – Эрика. Помимо них здесь могли быть и члены компании. Хотя на их месте Саша бы бросился к запасному выходу, как угорелый.

Саша осторожно выполз из секции отдыха, которых здесь насчитывалось около десяти. Они были разделены между собой гипсовыми перегородками, и в каждой находилось по четыре широких диванов и с дюжину кресел. Всего за несколько минут секция, где укрывался Саша, превратилась в секцию вечного отдыха и покоя для, по меньшей мере, восьмерых гостей. Саша двигался на четвереньках, внимательно глядя в окружение в поисках врагов. Но с каждым одолженным метром его начинала охватывать паника.

Здесь нет никого, кроме мертвецов! Черт подери, сколько же их здесь? Саша сбился со счета, переступив через двадцать шестой труп. Мужчины, женщины, пожилые гости: все были изрешечены крупнокалиберным монстром. Кто-то лежал на полу – Саша старательно избегал прикосновения с ними, выказывая скорбь и огромное уважение к мертвым, другие – висели на спинках кресел – их кровь стекала в огромные лужи на полу. Руки Саши наткнулись на мертвую девочку десяти-двенадцати лет, сразу четыре пули истерзали ее торс, он тут же отпрянул, точно от какой-то заразы, которую не хотел пропускать в свою жизнь. Потому что он не хотел видеть мертвых детей возле себя! Они не должны быть тут! Только не в том мире, в котором живет он! Иначе, какие же законы тут действуют, если человек позволяет себе убить ребенка?

– Выродки! – не сдержался Саша.

Послышался звук взведенного курка. Саша замер.

Он медленно повернул голову вбок.

В еще одной секции отдыха посреди перевернутых кресел и пробитых огромными дырами диванов на полу сидел мужчина. Саша взглянул на труп женщины, которую он прижимал к себе, и все понял. Мужчине было около шестидесяти лет, может, больше. Женщине – примерно столько же. В ее лбу виднелась рана, из которой тонкой струйкой вытекала кровь вперемешку с серой склизкой массой. По характеру ранения Саша понял, что оно – выходное. Значит, пуля вонзилась ей в затылок, разворошила мозг и вышла наружу через лоб.

Мужчина сидел, прислонившись к стене, крепко обнимал мертвую женщину одной рукой, а второй целился в Сашу из Зиг Зауэра. Саша рефлекторно незаметно прижал локти к туловищу и нащупал в кобуре подмышками свои две Беретты, полностью заряженные и готовые к бою.

Но зоркий глаз Саши и служба в государственных войсках быстро определили, что в руках незнакомца – пистолет с девятимиллиметровыми патронами – основная модель, находящаяся на вооружении у полицейских. Как только Саша понял, что перед ним – далеко не боевик, а убитый горем государственный служащий, пусть и военный, он занял другую тактику.

– Я – свой, – сказал Саша, поднимая в воздух ладони.

Но мужчина был непреклонен. Честно говоря, он был немного не в себе. Видимо, потеря жены сыграла в этом не последнюю роль. Они оба были одеты в свободную одежду: на ней цве-

тастое платье ниже колен, какие любят женщины в ее возрасте; на нем брюки свободного кроя и белая рубашка с закатанными рукавами. Значит, они – из числа выписывающихся гостей, присутствующих вчера на торжественном приеме. Учитывая, что вчера здесь собралось немало представителей различных министерств и ведомств, предположения Саши о государственной службе мужчины имели основания.

– Откуда мне знать? – прохрипел в ответ мужчина.

Его голос осип от рыданий, глаза покраснели от нескончаемых слез. Саша даже искренне удивился: неужели возможно так долго любить одну женщину?

– Вы – Исая Харман, председатель Объединенного Комитета Начальников Штабов.

Саша вспомнил этого мужчину. Он видел, как вчера Эрик беседовал с ним за столом. Амелия сказала, что Исая – близкий друг Йоакима Брандта, и они вместе сотрудничают с Эриком и компанией.

– Кто ты? – спросил Исая, не спуская пальца с курка.

– Саша. Я – помощник Амелии.

В глазах генерала блеснуло узнавание.

– Вронская? – спросил он.

Саша выдохнул. Кризис преодолен.

– Да, генерал, – Саша специально называл его по воинскому чину, чтобы войти в доверие.

Исая помедлил еще немного и опустил пистолет. Тогда Саша осторожно заполз в секцию и сел рядом с горяющим мужчиной.

– Генерал, мне очень жаль, – произнес Саша, и не лукавил.

Мужчина выдавил улыбку, закивал, и тут рыдания снова напали на него и затрясли плечи. Саша научился трюку в спецотряде, как быстро приводить заложников в чувства. Он положил руку на плечо и сильно сжал трапецевидную мышцу. Такой сочувствующий жест заставлял мозг отключаться от шока и сосредотачиваться на едва заметной, но настойчивой боли в плече.

– Спасибо, – закивал Исая, словно благодарил Сашу за примененный прием, о котором знал не меньше его.

– Генерал, боюсь, нам нельзя здесь оставаться, – спокойно произнес Саша.

Исая утер слезы с лица. Вздохнул пару раз глубокой грудью, останавливая рыдания, а потом взглянул на Сашу глазами, в которых проснулся прежний расчетливый ум военного.

– Кто они? – спросил он.

– Пастаргаи.

– Эрик должен был разобраться с ними!

– Боюсь, ситуация усугубилась. У них оказался сильный хозяин.

Генерал задумался.

– Поэтому Эрик заключил сделку с Виктором? – спросил он, наконец.

– Да, сэр.

Генерал снова закивал. Ему были необходимы сведения для того, чтобы представить всю картину целиком и понять, что можно предпринять в данный момент.

– Из фойе ведут четыре запасных выхода, нам нужно...

– Моя дочь! – прервал генерал.

Саша нахмурил брови.

– Моя дочь ушла в ресторан взять кофе для нас в дорогу, – объяснил генерал.

Саша озадаченно посмотрел на стену, разделяющую их от ресторана, как будто умел смотреть сквозь нее. Но ему и не нужен был такой дар, чтобы додуматься самому:

– Сэр, ресторан уничтожен так же, как и фойе. Даже если там...

– Сначала найдем мою дочь и только потом покинем здание! Без нее я никуда не пойду! – генерал привык отдавать приказы. И ему было наплевать на то, что перед ним не его солдат.

Хотел бы Саша тоже наплевать на то, что перед ним генерал, и Саша – не его солдат, но сейчас ему был необходим опытный напарник.

Саша еще раз проанализировал все в голове и ответил:

– Хорошо! Но план будет иной!

Генерал сощурил глаза, словно оценивая размер кишки у этого мужчины, готового спорить с самим Председателем начальников штабов.

– Сначала находим Вашу дочь, а потом идем за моей женщиной!

– Ты это слышал? – выдохнул Эрик.

Пот тек градом с его лица, Фидо сменил уже третью повязку на плече, пытаясь максимально остановить кровотечение. За последние десять минут Эрик потерял изрядное количество крови и уже слегка побледнел. Он не мог двигать левой рукой, но Фидо опытным глазом смерил ранение и уверил того, что никакие важные артерии или сухожилия не задеты, хотя, возможно, от крупного калибра пули треснула кость. Пуля прошла навывлет, и это позволило Фидо туго завязать плечо оторванным лоскутом от рукава рубашки Эрика.

Восемь мужчин сидели на полу в коридоре, ведущем в служебные помещения. Это – единственное укрытие, в котором им удалось спрятаться от пулеметной очереди. Когда началась атака они не успели дойти до дверей запасного выхода каких-то пять метров, а когда пуля ранила Эрика, и того не рискнули преодолевать даже их – пули прочесывали каждые десять сантиметров пространства. Скрывшись за дверью, мужчины слушали барабанящую по ушам стрельбу. Истошные крики людей с каждой минутой становились все тише, а это значит, что мертвецов становилось все больше. Несколько минут назад где-то на улице прозвучал громкий взрыв, и в коридоре мгновенно погас свет. Учтивый Карл заглянул в одно из помещений, где располагались рабочие компьютеры персонала, переключил несколько раз блоки питания, но они не реагировали. Все сразу поняли, что электричество исчезло не беспричинно и не спонтанно.

А вот только что они услышали раздавшийся где-то над ними тонкий свист, за которым последовал второй взрыв. Рану в плече Эрика резануло острой болью, словно оно тоже поняло всю серьезность ситуации.

– Кто-то орудует сестрой Люсильды! Сукины дети! – воскликнул Дэсмонд на вопрошающий взгляд Эрика.

– Кажется, Томас пошел в наступление! – вставил Роберт.

Пуля прошла всего в миллиметре от его щеки, на которой теперь проступила жженая ссадина с запеченной кровью. Сегодня Роберт – счастливчик.

– Как-то это не похоже на него. Он же любитель поиграть в тайны, – возразил Рудольф, вытаскивая из бедра вонзившийся осколок стекла.

– Виктор говорил, что Томас нападет тогда, когда посчитает себя готовым. Видимо, сегодня утром он выпил чашку кофе и понял, что готов, – сказал Роберт, срывая полосу от своей рубашки, чтобы забинтовать бедро Рудольфа.

– Медведь, что там с Замиром? – спросил Эрик.

Телохранитель-великан, которого никто не мог называть по имени, данному ему при рождении – Бернарт – из-за его комплекции, бродил вдоль коридора с вытянутой вверх рукой, в которой держал телефон.

– Не могу никому дозвониться. Сети нет, – буркнул он низким басом.

– В коридоре нету связи? – переспросил Эрик.

– Я думаю, во всем здании ее нет, – предположил Тоби.

– Ублюдки заглушили сигнал! – выругался Роберт.

– На их месте я бы сделал то же самое, – вставил Дэсмонд.

Внезапно пулемет затих. Озадаченные мужчины переглянулись между собой, мол, это пулемет затих или он оглохли? После десятиминутной пулеметной атаки, от выстрелов которого ушные перепонки превратились в камень, наступившая тишина казалась неестественной обманчивой и не менее опасной.

– Кто бы ни стоял за нападением, нам нельзя терять время! Надо группироваться! Они сейчас бойцов пошлют! – первым сообразил Дэсмонд.

Мужчины тут же поднялись с пола, повытаскивали из кобур пистолеты, готовые сражаться за свою жизнь до последнего. Фидо помог подняться Эрику, Роберт – Рудольфу.

– Мне нужно к Нине! – решительно заявил Эрик, хотя силы его иссякали столь же энергично, сколь и тон его намерения.

– С ней Марк и Амелия! Она в порядке! Они поднялись наверх, там безопасно! – пытался приободрить Рудольф.

– Ублюдки отрубали электричество! До какого этажа ребята успели добраться? – спорил Эрик.

– В любом случае они выше первого! – вставил Роберт.

Эрик уперся головой в стену и закрыл глаза, собирая в кулак оставшиеся силы.

– Мы не знаем наверняка, с каких щелей могли пробраться его бойцы! – противился Эрик, было видно, как трудно ему вести спор.

– Хочешь сказать, они высадились на крышу с вертолета? – скептически произнес Роберт, догадавшись, что имел в виду друг. – Может, еще скажешь, что у них танк есть?

– У них есть долбаный РПГ, мне этого достаточно! – не уступал Эрик.

– Честно говоря, я согласен с Эриком, – вставил неожиданно Дэсмонд. – Я думаю, нам лучше пробираться наверх, нежели наружу. Я более чем уверен, что они хорошо охраняют выходы из здания! – анализировал Дэсмонд.

На минуту все смолкли, осознавая масштаб их плачевной ситуации.

– Блин, албанское подкрепление было бы сейчас кстати! – выдохнул Рудольф с сожалением.

– Тогда каков план? – спросил Учтивый Карл, которому уже осточертело насиживать зад и ожидать прихода вражеской пехоты.

Все четверо телохранителей держали пистолеты, готовые броситься в атаку, чтобы прикрыть отход боссов.

– Электричества в здании, считай, нет, – размышлял Дэсмонд на ходу, – значит, они поработали с электрической подстанцией, которая находится с западной стороны.

– Значит, западный выход отпадает! – заключил Рудольф.

Не заметить печаль на лицах мужчин было невозможно. Западный выход вел в холл с потайным лифтом, ведущим в апартаменты Виктора. Вот уж где было бы безопасно!

– Тогда надо бежать к южной лестнице! – предложил Медведь.

– И надо делать это немедленно, пока ублюдки не пробрались в фойе! – сказал Роберт.

С этим спорить никто не стал. Мужчины тут же встали и выстроились в две колонны, готовые бежать по команде. Роберт взял Эрика под руку и спрятался за Фидо и Карлом.

Дэсмонд высчитывал про себя траекторию: чтобы добраться до лестницы им необходимо выйти в фойе, а потом бежать в сторону запасного выхода, ведущего к лестнице на этажи. Весь путь составляет около тридцати метров, это вроде совсем небольшой отрезок, но только не когда ты являешься мишенью.

Дэсмонд открыл дверь и знаками приказал никому не шевелиться, пока проводил осмотр периметра. Отель загублен до основания. Стены изрешечены отверстиями размером с кулак, пара мраморных колонн в метр диаметром, служивших украшениями интерьера, валялись разбитые на полу, словно ураган вырвал их с корнем. Хорошо, что они были лишь декорациями, а не несущими элементами. Секции с диванами и креслами превратились в сплош-

ные кучи покореженной мебели. Дэсмонд даже заметил опрокинутый тяжелый угловой диван из толстого дерева, буквально разломанный напополам и испещренный дырами словно сито. Ошметки стен, картин, зеркал, мебели: все было истерто в пыль. Судя по количеству лежащих на полу трупов, здесь погибло не меньше полусотни человек, и это только в фойе. Башня Хаммель-Гарден в одночасье превратилась из знаменитой достопримечательности в место вечной скорби.

Дэсмонд махнул рукой товарищам и побежал. Мужчины последовали за ним. Они бежали так быстро, как только могли, с трудом перешагивая через кучи трупов и мусора. Эрика все не покидало странное самоощущение от того, что всего несколько минут назад это место было заполнено довольными гостями, весело рассказывающими друг другу, как им понравилось вчерашнее торжество, какие впечатления произвел грандиозный фейерверк, какие у них планы на следующие два выходных. Другие читали свежие газеты и журналы, уже освещавшие на всех полосах события прошедшего праздничного вечера, и удовлетворенно кивали, видя на фотографиях свои лица. А третьи, как сам Эрик, просто держали за руки возлюбленных и благодарили за прекрасную ночь. Никто даже подумать не мог, что в следующую секунду они умрут. И никаких планов на завтра, никакого веселья, никакой благодарности обманчивой судьбе, а лишь страх за свою жизнь и неизменный вопрос «За что?».

Когда до двери оставалось меньше трех метров, план Дэсмонда полетел к чертям, потому что дверь открылась с обратной стороны – их опередили. Руки Дэсмонда сработали на уровне рефлекса, вытянулись вперед, и пальцы нажали на курки обоих пистолетов.

Едва успевшие забежать внутрь боевики тут же оказались под ударом. Дэсмонд успел сразить двоих, Медведь с Тоби подсобили и уложили еще троих. Пока оставшиеся за дверью боевики решали, как продолжить атаку, Дэсмонд захлопнул дверь ногой.

– Навались! – крикнул он самому огромному из присутствующих мужчин.

Медведь тут же присоединился к нему и прижался к двери. Разъяренные бойцы с обратной стороны сначала били в дверь ногами, потом плечами, потом выпустили несколько автоматных очередей. Но Дэсмонд знал, что все стратегически важные двери в Башне Виктора, вроде тех, что ведут в запасные выходы – бронебойные, и обычные автоматы их не возьмут. Все же Виктор не дурак и старался продуманно строить свое чудо света, предосторожность в их бизнесе – мать всего живого! Вряд ли, конечно, он предполагал, что когда-нибудь здесь произойдет конфликт такой силы и масштаба, но не может же он предвидеть все.

– Бегите! – приказал Дэсмонд.

Вес двери, и силы обоих мужчин, в особенности Медведя, могли какое-то время противостоять натиску бойцов с обратной стороны. Этого времени будет достаточно для того, чтобы его друзья добрались до восточного запасного выхода в ресторане.

Но его план снова сорвался. А когда это происходит, Дэсмонд бесится, как капризный ребенок, которому не купили конфету.

– Какого хрена вы делаете?! – заорал он в ярости.

Роберт, Учтивый Карл и Рудольф бросились в секцию отдыха к одному из уцелевших огромных дубовых диванов весом в две сотни килограммов не меньше. Трое мужчин навалились всеми силами, и громадина медленно заскользила по мраморному полу. Остальные присоединились к усилиям троицы, даже Эрик с раненым плечом вносил свою лепту, и вскоре исполин верно подпирал дверь, точно собака, которой приказали сидеть. Черта с два они позволят Дэсмонду пожертвовать собой ради других!

– Ребята, приготовьтесь! Они наступают! – крикнул Тоби.

Все обернулись и увидели, как по ступеням, ведущим к главным дверям, бежит целая армия мужчин с автоматами наперевес. Импровизированное спасение Дэсмонда и Медведя от западни неожиданно сыграло на руку. Боевики хотели окружить компанию, зайдя со всех

сторон. Но теперь южная сторона фойе была отобрана у противника, и грозила стать главным форпостом в борьбе с ними.

– Живо всем в укрытия! – крикнул Дэсмонд.

Мужчины бросились врассыпную. Кто-то спрятался за ошметки мебели, другие – за толстые корпуса сваленных мраморных колонн, третьи – за кучами мертвых тел.

Зазвучали первые выстрелы из автоматических винтовок.

Так началась война.

Ханна открыла глаза и с минуту приходила в себя, пытаясь сообразить, кто она, где она, и почему ей так хреново. Когда мозги стеклись обратно в мыслящую серую массу, она осознала, что висит на ремнях вниз головой. Память тут же вернулась, и она вспомнила, что ехала в автомобиле с Алариком, он ее жутко бесил, а потом мир покатился в тартарары. Значит, она до сих пор в машине. Ханна чувствовала, как глаза заливают кровь, стекая с ее лба на искореженную крышу раритетного автомобиля, уничтоженного так безжалостно и так по-варварски. Ханна потянулась к креплению и через пару неудачных попыток смогла отстегнуться, после чего шмякнулась вниз и ударилась затылком о крышу.

– Лейтенант! – позвала она, протирая глаза от крови.

Из руля лейтенанта сработала подушка безопасности, и его голова скрывалась посреди белой материи. Скупердяй оборудовал подушкой лишь свое сидение, Ханна не удивилась, но все же дала выход злости и пнула его в плечо под предлогом попытки привести в чувство. Даже будучи без сознания, он невероятно бесил ее.

Аларик слегка дернулся от пинка, и, несмотря на ненависть, Ханна была рада, что он невредим. Она отстегнула мужчину, и тот тоже свалился на крышу.

– А чтоб тебя! – выругался Аларик после жесткой посадки.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя и сообразить, что происходит.

– Что это была за чертовщина? – наконец, произнес он.

– Определено, РПГ! – ответила Ханна, отметя все предположения о птицах-мутантах.

Ее лицо продолжало заливать кровью, но теперь она стекала на шею и грудь. Ханна потрогала щеку и обнаружила глубокую резаную рану на скуле, скорее всего, причиненную осколком стекла. Она достала аптечку, прикрепленную за задним сидением, и уже ворошила ее в поисках пластыря. Аларик в это время проверял работоспособность рации.

– Диспетчер! Это тридцать шестой! Ответь!

Рация зашуршала, и знакомый голос женщины раздался в ответ.

– Аларик, какого черта там происходит? Почему не выходил на связь?

Аларик испытал двойное облегчение: во-первых, рация цела; а во-вторых, она назвала его по имени! Согласно инструкции ведения переговоров по рации она обязана звать его только по позывному. Эта женщина определенно любит его! Аларик даже растянулся в довольной улыбке от осознания этого факта.

– Нас обстреляли! – ответил он.

– Какой тип оружия у противника? – Сабрина задавала стандартные вопросы. Только вот ситуация была далеко не стандартной.

– РПГ! – ответил Аларик и сам едва верил в то, что произнес

Полминуты из рации не раздавалось ни звука.

– Тридцать шестой, шутки в сторону! Говори серьезно! Ты на задании! – злостно выругалась Сабрина.

– Ой, да правда что ли?! – с наигранным сарказмом отвечал Аларик. – Я повторяю специально для тебя, хозяйка мини-унитаза для гномов, в который не помещается задница нормального мужчины: в нас стреляли реактивной гранатой! Мой Ягуар Куп трагически погиб, и я выставлю счет городу за его преждевременную кончину! А еще прямо перед моими глазами

стоит долбанная БМП с огромным, как член циклопа, пулеметом на крыше, который только что превратил первый этаж гостиницы Хаммель-Гарден в сплошное месиво! А еще я наблюдаю за тем, как четыре десятка вооруженных автоматами людей забегают внутрь гостиницы, чтобы, очевидно, добить тех, кто выжил после пулеметной зачистки!

Аларик со злостью отшвырнул рацию и пригнулся, чтобы не выдать противникам свой выживший зад. Ханна прижимала к скуле три слоя пластыря, с ужасом наблюдая за тем, что только что описал Аларик: около сорока мужчин с автоматами наперевес взбежали по ступеням и исчезли внутри гостиницы. Тут же послышались автоматные очереди и новая порция людских криков.

– Твою мать, Аларик! Что происходит? Это – террористы? – не понимала Ханна.

Она впервые оказалась в центре столь диких и непонятных событий и не могла вспомнить ни одну инструкцию из учебника, которая бы соответствовала нынешней ситуации.

– Да черт его знает! Такое чувство, что я в Секторе Газа и сейчас на меня наедет танк! Какого хрена тут творится? Ты видишь, какая у них техника?

– Я вижу БМП...

– Нет, дальше, вон там, смотри!

Аларик указал куда-то позади зеленого чудовища на гусеничных колесах с пулеметом на крыше, которых Ханна видела разве что на картинках. И вправду там стояла еще одна машина.

– Это бронеджип? – не понимала Ханна.

– Это – бронетранспортер! А антенны видишь? Они принимают сигнал либо с раций, либо с видеокамер от нападающих групп. Судя по всему, здание штурмуют, а значит, бойцов тут должно быть немерено! Там внутри транспортера сидит командование всей этой операции! Я такое только в армии видел на учениях! Но чтобы в городе? В воскресенье? В обед?

– У террористов может быть такое вооружение?

– Если это – террористы, то за ними стоят чертовски богатые и сильные личности! Незаметно затащить такую технику в самый центр города – это фантастика! Черт, да у меня такое чувство, что здесь разразилась самая настоящая война!

Ханна смотрела поочередно-то на БМП, то на бронетранспортер, то на гостиницу, из которой доносилась стрельба. Может, это – правительственные войска, которые освобождают заложников? Ханна тут же ущипнула себя, ругая за то, что несет какую-то чушь, лишь бы поверить в хорошее. Эти ее правительственные войска только что запустили в нее ракетой! А ведь они видели и слышали полицейскую мигалку на крыше!

Нет! Происходит нечто плохое, коварное и насильственное! Тут же внутри Ханны автоматически включился механизм защиты безобидных существ, которым наградила ее природа. Она почувствовала невероятно сильную обязанность оказать помощь.

– Судя по всей серьезности предприятий, нам надо выбираться отсюда! – произнес Аларик.

– Но как же люди? – Ханна не смогла противостоять врожденному желанию спасти всех, кто этого просит.

– Какие люди?

– Те, что в гостинице!

– Они уже все сдохли!

И снова правда была не на стороне Аларика, потому что посреди автоматных очередей, раздававшихся на первом этаже отеля, были слышны людские крики, которые звали на помощь.

Ханна снова наградила лейтенанта презрительным взглядом. Тот закатил глаза:

– Ну, если еще не сдохли, значит, это наступит очень скоро!

Аларик начал выбивать стекло автомобиля, чтобы выбраться наружу.

– Лично меня сегодня уже пытались убить! Я не собираюсь испытывать судьбу во второй раз!

Он уже выполз из машины и на корточках разглядывал повреждения Бублика, сердце его заняло невыносимой печалью. И вдруг он увидел, как его новобранец тоже выбралась из-под груды металла и уже перебежала дорогу с табельным пистолетом в руках, направляясь точно к отелю.

– Какого черта ты творишь, транссексуал хренов? – громко зашипел он, скрываясь от невидимок, что запустили в его Бублика гранатой.

Но Ханна уже убежала так далеко, что не слышала ничего кроме собственного сумасшедшего сердцебиения в ушах.

Кровь заливала правый глаз, но Виктор продолжал стрелять, хотя целиться с одним видящим глазом – чертовски сложное занятие.

– Убери того справа! – крикнул Герард одному из своих товарищей.

Боец тут же последовал приказу командира и сосредоточил огонь на противнике, который прятался за уличным фонарным столбом и разил в остатки группы Виктора автоматными очередями. Пятая пуля попала точно в плечо, инерция вытолкнула боевика из-за столба больше, чем следовало. Шестая пуля прострелила голову, и автоматчик пал в битве за торцевой вход в гостиницу с западной стороны.

На улице оставалось, по меньшей мере, восемь вражеских стрелков, разящих из автоматических винтовок по группе из четырех мужчин, прячущихся за импровизированным щитом из кучи покоренной мебели, баррикадирующей вход внутрь здания.

Всего десять минут назад Виктор в ожидании Замира со своей командой сидел в кресле в заднем фойе и читал свежий номер утренней газеты с хвалебными статьями в адрес господина Хаммеля, который организовал потрясающий вечер в честь празднования Дня города, когда за стеной началась смертельная суматоха, устроенная крупнокалиберным пулеметом. Виктор едва верил в реальность звуков стрельбы и криков людей, они казались неестественными и совершенно неожиданными. Виктор с трудом принял факт того, что кто-то среди бела дня решил напасть на его гостиницу с пулеметом.

Он уже было кинулся туда вместе со своими четырьмя телохранителями, когда реактивная граната, пущенная боевиком с улицы, выбила входную бронированную дверь с петель и взорвалась внутри помещения, превратив его в руины. Взрывная волна отбросила Виктора в стену, на его удачу тяжелая металлическая входная дверь, выбитая ракетой, полетела точно в Виктора, и ненароком прикрыла от разрушительной силы взрыва. Один его телохранитель погиб, и очень не во время, ведь у них каждая жизнь была на счету, ввиду столь мощного штурма.

Виктор сильно ударился головой о стену, и кровоточащая рана заливала лицо ярко-алой кровью, стекала с подбородка на белую рубашку, превращая его в героя фильма ужасов в жанре слэшер. Ему только бензопилы не хватало для полного соответствия образу.

Пока он приходил в себя, Герард уже всю организовывал оборону. Мужчины соорудили посреди фойе груды из остатков мебели, статуй, горшков и той самой двери, сыгравшей роль ангела-хранителя для Виктора. Спрятавшись за защитным ограждением, мужчины стали последним рубежом для врагов, отчаянно желавших попасть внутрь.

Сдерживать атаку стрелков было сложно, поскольку их численность превосходила состав защитников западного входа отеля в три раза. Но вот прошло уже пять минут, и счет противников шел на убыль. Устранив меткого автоматчика, который ранил одного из бойцов Виктора в ключицу, шансы выйти победителями в схватке за торцевой вход возросли.

Но после ранения одного бойца, ряды Виктора поредели до троих человек. Противников осталось всего семь. Только бы хватило пуль! Они не должны прорваться внутрь! Виктор

знал цель боевиков – окружить всех обитателей отеля в кольцо, захлопнуть все двери и начать зачистку. Поэтому он не имеет права сдать свой форпост, он не может позволить врагам окружить их!

Где-то за стеной продолжал орудовать пулемет, и Виктор уже в уме представлял план штурма, так хорошо знакомый ему. Он слышал взрывы, доносящиеся откуда-то снаружи, и когда погас свет, понял, что один из взрывов означал уничтоженную электрическую подстанцию. Но боевики не знали, что лифт в западной части здания, ведущий в его апартаменты, всегда работает от запасного генератора, расположенного в подвале. Этот лифт в одну минуту стал важным стратегическим объектом, потому что вел в ту часть здания, в которую доступ есть лишь отсюда, а потому Виктор должен костью лечь, но не допустить врагов до него. Им лишь бы отразить наступление этой группы, и тогда можно будет спрятаться в своих апартаментах, откуда лифт можно заблокировать.

Где Эрик? Что с Ниной? Понял ли Замир, что происходит? Вопросы витали в голове Виктора вне зависимости от физических усилий, которые он тратил на борьбу с дикой головной болью и легким головокружением, видимо являвшихся следствием сотрясения мозга.

Герард убил еще одного противника. Их осталось шесть на три. Виктор словно вел счет в футболе. Вот бы время перестрелки тоже было ограничено по таймам, в промежутке между которыми можно зарядиться патронами и отдышаться! А если бы на кону было одно лишь абстрактное понятие победы, а не жизни участников, то Виктор мог бы заниматься перестрелками каждое утро вместо пробежек.

Внезапно Герарда отбросило назад с громким мужским ором боли. Виктор тут же увидел рану в груди первого помощника, и точно сердце Герарда, сердце Виктора облилось кровью от обиды за своего верного пса. Но, даже несмотря на ранение, Герард продолжал стрелять, желая выпустить все пули до одной в убудков, что решили отобрать подобно варварам то, что им не принадлежит.

От обиды за Герарда дух Виктора воспарил, в груди разлилась отвага, а чувство мести подожгло фитиль, и бесстрашие запыхало в груди яростным огнем. Виктор разозлился на свою головную боль, на нескончаемый кровавый ручей в глазу, на вторженцев, что решили, будто имеют право на его жизнь, раз сила на их стороне. Виктор открыл огонь по паршивцам со вновь рожденным упорством и даже ранил одного нападающего с третьего выстрела!

Но тут его бесстрашие проиграло борьбу с реальными обстоятельствами. Пуля прошла мягкую обивку кресла, лежавшего в куче вместе со своими взрывающимися в щепки собратьями, прошла точно сквозь в уже существующее пулевое отверстие в металлической двери, служившей последним заслоном, и вонзилась Виктору под ребра.

Его отшвырнуло с силой не меньшей, чем отбросило Герарда. Виктор завыл от пронзительной боли, у него сперло дыхание. Острая, как нож, мысль вспыхнула в мозгу: если не кровотечение его убьет, то – удушье.

Виктор лежал рядом с умирающим Герардом. Телохранитель потерял сознание – тело проиграло битву за жизнь. Со смертью Герарда конец казался неизбежным.

Виктор наблюдал за тем, как его последний оставшийся в живых боец отчаянно продолжал вести огонь по противникам. Наверняка, он осознавал свое поражение наперед, но не хотел сдаваться. Он остался один на шестерых. И все телохранители Виктора были таковыми: в честной схватке они бы уделали боевиков голыми руками!

Вот только Виктор знал план штурма, знал его безупречность, знал о вооружении нападавших, и все это сводило к единственному прискорбному факту – победа боевиков будет несправедливой, незаслуженной, но всем будет на это наплевать.

Сквозь щели в импровизированной баррикаде Виктор с ужасом наблюдал за тем, как боевик на улице заряжал очередную порцию гранаты в РПГ. Виктор, что через несколько секунд он умрет.

– Шевелим булочками, дамы! Нам бы забраться повыше! – приговаривал Марк, запыхавшись.

Он нес Нину на руках, Амелия шла чуть позади с пистолетом наготове.

– Как высоко ты хочешь забраться? – спросила женщина, не до конца понимая план Марка.

– К голубям на чердак! – раздраженно буркнул Марк.

– Не испытывай мое терпение, молокосос!

– От спермососа слышу!

– Что ты сказал?

– Нельзя наверх, – выдохнула Нина.

Двое спорщиков тут же замолкли, прислушиваясь к ее словам.

– О чем ты говоришь? – Амелия заглянула в глаза Нины, чтобы удостовериться, что она не бредит.

Но взгляд девчонки был сосредоточенным и серьезным. Хотя рана в бедре продолжала испускать тоненькие красные струйки, просочившиеся через повязку из накидки. Судя по ним, крови Нина теряла немного, но и крепкой комплекцией она похвастаться тоже не могла. С ее-то весом слабое кровотечение могло сыграть роль артериального фонтана.

– Они там ... наверху... они и там тоже, – слабо проговорила Нина.

Ее лицо побледнело еще сильнее и теперь отдавало легкой синевой, капли пота на лице и шее были такими объемными, что в них можно было смотреться, как в зеркало.

– Как они могли оказаться наверху? – скептически спросила Амелия. Она жутко не хотела лишиться надежного укрытия из-за бредовых галлюцинаций непонятного существа.

Нина всеми силами старалась абстрагироваться от физической боли, то и дело, посылая сознание по другую сторону реальности. А там ее встречал кошмар.

Монстры неистовствовали и безостановочно выли, окружая Марка, Нину и Амелию плотным кольцом. Они ползли по полу, стенам, потолку вслед за троицей, слизывали кровавый след с пола и требовали еще. Нина чувствовала вкус крови на Их языках. Вкус ее крови. И от этого мерзкого факта начинало тошнить. Нина будто занималась каннибализмом, и ела саму себя. Никогда она еще не испытывала что-либо подобное. Ей казалось, что она начала сходиться с ума всерьез, и если раньше она отрицала, что ее мозг болен, то сейчас, возбуждаясь от вкуса собственной крови, она начинала верить, что ей и впрямь место только в психушке.

– Я вижу... они там, – слабо произнесла она, устремив взгляд далеко наверх.

Собирая всю волю в кулак, Нина боролась с ужасами, что преподносил собственный зараженный безумием мозг, и в буквальном смысле ползла на последнем издыхании по разноцветным волнам видений и мыслей. Первым делом она нашла Эрика, и ее сердце зажалось в тиски, когда она почувствовала режущую боль в левом плече, от нее немели пальцы, рука становилась тяжелой, словно огромный булыжник, которым невозможно управлять. Эрик был ранен, но жив. Его сердце колотилось безумным темпом.

«– Рудольф, слева!» – услышала Нина крик любимого голоса. Он больше не был тихим и ласковым, нежно мурлычущим слова любви ей на ухо. Теперь он кричал, обуянный страхом потерять друга, он непрерывно анализировал обстановку и искал укрытие, прячась от смертельных пуль, точно загнанная лань, спасающаяся от хищников.

Нина нехотя с огромным сожалением и даже рыданием оторвалась от видений с Эриком, допуская вероятность того, что она видит его в последний раз, потому что может потерять его в любой момент. Хотелось следить за ним неотрывно, как-то помочь, быть с ним рядом хотя бы в мыслях. Но в то же время Нина не забывала о своей важной роли радара, определяющего местоположение врагов. В нынешней ситуации лишь она могла обрисовать картину в полном объеме и содержании. Она слышала стон Виктора где-то внизу, по какой-то причине она видела

его лишь одним глазом, словно ее второй глаз потерял свои способности, а может, его просто не было! От предположений того, почему у Виктора отсутствовал глаз, Нину затошнило.

В последнюю очередь Нина обратилась к образам своего будущего, увидев где-то за туманной завесой вертолетные лопасти и тысячи ног, сбегающих вниз по лестнице.

Проследив за взглядом Нины, Амелия и Марк тоже посмотрели наверх. Сердце их упало в пятки, а если бы могло упасть еще ниже, то уже жарилось где-нибудь на сковородах преисподней. Потому что там далеко наверху в районе двадцатых этажей они видели мелькающие сквозь перила локти, облаченные в черные кожаные куртки, и рукоятки автоматов. Не меньше десяти точно! И с каждой секундой шуршащие шаги невидимок становились все громче, а паника тройцы разрасталась столь же стремительно, как и приближение врагов.

– Быстро наверх! – скомандовал Марк.

Он не дождался Амелии и уже рванул через ступеньку на пролет с цифрой семь на стене. Амелия побежала следом, открыла дверь Марку, и забежала за ним внутрь.

Они оказались в коридоре между номерами на седьмом этаже и рванули вперед, скрываясь от двери запасного выхода за поворотом.

– Надо затаиться в каком-нибудь номере! – пропыхтел Марк.

Хоть Нина и весила не больше пятидесяти килограмм, нести такой груз долгое время все равно не сможешь.

– Тут электронные замки! Только если ломать! – спорила Амелия, то и дело оглядываясь.

Марк понял, что имела в виду женщина. Они не смогут открыть двери незаметно, боевики выследят их по сломанному замку. А значит, они сами себя загонят в ловушку.

– Тогда куда? – паниковал Марк.

– Здесь должно быть подсобное помещение или какая-нибудь гладильная! То, что не запирается! Можно попробовать...

Амелия не успела закончить, потому что прямо перед ними из-за поворота появились двое боевиков в лыжных масках и с автоматами наперевес.

На долю секунды все замерли. Начались соревнования мозгов на скорость: кто быстрее сообразит начать пальбу?

Победителем вышла Амелия. Готовый в руках пистолет нацелился на одного из мужчин и выстрелил дважды. Но за эти две секунды второй успел прокричать в рацию:

– Седьмой этаж!

Пуля тотчас же сразила его точно в лоб, и он упал замертво рядом с напарником.

– Твою мать! Откуда они появились? – выругался Марк.

– Видимо с лестницы с другой стороны здания!

– Тогда куда бежать? – Марк уже кричал в истерике.

– Нина, куда бежать? – кричала Амелия, заразившись паникой.

Нина с ужасом смотрела то в одну сторону, то в другую. Дыхание участилось, глаза расширились от страха, брови собрались домиком, она готова была завывать.

– Некуда! – ответила она.

Марк тут же поставил Нину на пол, оставшись глухим к ее вою от мучительной боли в бедре, достал пистолет и пустил пулю в электронный замок номера семьсот двадцать три. Амелия подсобила и выбила дверь ногой. Марк не мог не заметить, как чертовски сексуально она сделала это своим стильным ботильоном на широком каблуке.

Дэсмонд – везунчик!

Но тут вдруг Амелия застыла всего на долю секунды, наострив уши, а потом схватил Марка за шиворот так резко и неожиданно, что он только и успел пискнуть, как девчонка. Амелия толкнула мужчину, и тот упал на пол гостиничного номера.

В эту же секунду из-за угла появились боевики в количестве четырех человек. По всей видимости – подмога, вызванная их теперь уже мертвыми собратьями. Боевики немедленно открыли огонь по двум женщинам в коридоре.

Нина, словно в замедленном темпе, наблюдала за тем, как в нее полетели десятки сверкающих искрами свинцовых смертей, одна из которых попала точно в позолоченный каркас настенного бра, срикошетила вправо на девяносто градусов, пролетела всего в паре сантиметров от лица Амелии и настигла лежащего на полу Марка, вонзившись ему в правый бок.

– Нет! – закричала Нина.

Амелия тут же присела на колено и выдала агрессивную порцию выстрелов в сторону боевиков из своего Кольта, те тут же ретировались за поворот.

Воспользовавшись секундным замешательством бойцов, Амелия закрыла дверь в номер, куда упал Марк, схватила Нину за руку и потащила в противоположную от нападающих сторону. Ей было наплевать на писк Нины с раненой ногой, едва поспевающей за скоростью женщины.

Только они завернули за угол, как в спину снова посыпался свинцовый град. Амелия толкнула Нину на пол, та с ревом упала, прижимая к сердцу больное бедро, точно оно было новорожденным, которого необходимо защищать от окружающего мира. Сама Амелия сделала еще пару выстрелов и третьим попала аккурат между глаз самому неудачному из убийц. Это навело испуг на его пока что живых напарников, которые поняли, что им противостоит нехилый стрелок, и тут же завернули за свой спасительный угол перезаряжать магазины.

– Марк! Надо вернуться за ним! Они убьют его! – выла шепотом Нина.

– Заткнись! – рявкнула Амелия.

Нина всхлипнула, уткнувшись носом в ковролин.

– Они его не видели! – объяснила Амелия. – А если ты еще громче произнесешь его имя, то они наверняка найдут его!

Нина озадаченно уставилась заплаканными глазами на женщину и тут же заступила за занавес реальности. Удивительно, но Амелия была права. Нина не слышала и не видела ничего, что было бы связано с Марком, в головах нападавших. Амелия опередила их внимательность всего на долю секунды, впихнув Марка точно в номер и заперев дверь, и эта доля секунды грозила нынче спасти Марку жизнь. С каждой минутой Нина все больше влюблялась в эту отважную женщину.

Казалось, следует испытать облегчение за друга, но в то же время Нина чувствовала его боль в боку, а зная расположение органов, Нина сделала неутешительный вывод:

– Он умрет, если не оказать ему помощь! У него задета печень! – надрывисто шептала Нина, утирая глаза.

– Мы с тобой тоже не можем похвастать большими шансами выжить в этой передрыге! А потому заткнись и делай то, что я говорю! – Амелия настроена решительно на спасение своей задницы, и если к ее заднице прилипла еще и задница Нины, то последней придется смириться с тем, что командовать будет самая взрослая из задниц.

– Твою мать! – выругалась Амелия и обессилена ударилась затылком о стену.

Нина почувствовала, как отчаяние стремительно разрасталось в груди Амелии. Взглянув в руки женщины, Нина поняла причину ее испуга.

У Амелии кончились патроны.

Едва Саша с генералом Харманом вошли в ресторан, их ноги отказались идти дальше, потому что трагедия, разразившаяся в фойе, затронула и здешние места. Сквозь высокие рамы разбитых окон ветер задувал белые тюлевые занавески, которые лишь подчеркивали заброшенность ресторана, словно человек здесь не живет уже много-много лет. Круглые столы с белоснежными скатертями и стулья валялись в мешанине из торчащих ножек, барные стойки

со стеклянными полками превратились в кучу битого стекла вперемешку с алкоголем, мертвые тела устилали полы, точно ковер, и все это было засыпано штукатурной пылью и осколками выбитых стекол.

– Идемте! – шепнул Саша, призывая генерала очнуться от шока и не терять драгоценного времени.

Они осторожно обходили тела в проходах между столами, генерал вглядывался в каждое лицо в поисках дочери.

– Как ее зовут? – спросил Саша.

– Ребекка, – удрученно ответил генерал.

Саша понимал настрой генерала, найти здесь свою дочь в живых с каждым преодоленным шагом становилось все маловероятнее. Если такому огромному количеству людей не удалось выбраться, то и шансы Ребекки были не больше, чем у них.

Вдруг где-то позади в фойе раздались мужские крики. Саша с Исайей переглянулись. Кажется, Саша услышал крик Дэсмонта. Из всей компании он хорошо был знаком лишь с его голосом, потому что они часто проводили время с Амелией.

Саша было хотел бежать обратно в фойе, как где-то в ресторане хлопнула дверь и послышалось множество шагов в тяжелых ботинках. Что-то подсказывало Саше, что это – не союзники.

И он был прав.

В зал ресторана со стороны кухни ворвался отряд из боевиков. Едва они завидели двух мужчин, снующих между столами, как сразу же открыли огонь.

Исайя бросился в проход между столами, Саша прыгнул следом. Его натренированный глаз быстро сосчитал количество противников.

– Двенадцать человек! – генерал опередил Сашу.

Саша вдруг испытал огромное уважение к человеку столь почтенного возраста, до сих пор не потерявшего хватку профессионального бойца.

– Да! – подтвердил Саша и осторожно выглянул из-за стола. – Трое заходят слева, двое спрятались за центральной барной стойкой, остальные приближаются с другой стороны!

Исайя привычно кивнул довольный тем, что в напарники ему достался опытный солдат. Где-то в фойе тоже раздавались напористые выстрелы автоматов, значит, началось наступление пехотных отрядов. Они постараются захватить все выходы, чтобы обрезать пути наружу, и для того, чтобы выбраться отсюда живым, оставалось лишь одно решение – вступить в схватку.

Исайя махнул рукой Саше, и они поползли вдоль пола, виляя между покореженных столов, стараясь не издавать шума. Вскоре Исайя остановился и подозвал Сашу поближе, тот немедленно повиновался.

Исайя на руках объяснил профессиональным языком жестов:

«– Трое противников. Первый, я, захват. Второй, ты, оглушить. Третий, ты, винтовка. Ясно?».

Саша кивнул.

Оба выросли перед тремя противниками так резко и неожиданно, что те даже не успели моргнуть, как Исайя взял одного в захват и свернул шею, в это время Саша врезал ногой под дых второму, выхватил из рук первого винтовку и выстрелил сначала в третьего боевика, а потом во второго.

Стремительная атака продолжалась не больше пяти секунд, этого времени хватило другим боевиками очнуться и начать стрельбу по двум противникам, которые снова скрылись между десятками обеденных столов.

Но теперь помимо многолетнего солдатского опыта, полученного в горячих точках, у Саши и Исайи в руках были винтовки, и они не собирались отступить от первоначального плана

найти своих женщин. И если это значит, что они должны будут убить всех боевиков в здании, они это сделают, потому что с этими мужчинами лучше не шутить.

Они снова поползли между столами, но теперь активнее.

– Вон они! Вон там! – послышался крик одного из боевиков.

Саша выглянул из-за стола, чтобы изучить расположение бойцов, но в него тут же посыпался град пуль. Сразу шестеро боевиков открыли огонь. Щепки фонтаном разлетались от деревянных столов и стремительно атаковали лицо Саша, будто тоже были заодно с врагом.

– Шестеро быстро приближаются! – крикнул Саша.

– Отвлекай их! – ответил генерал.

Он быстро пополз вдоль проходов и исчез где-то за поворотом.

Саша, не желая больше рисковать своим красивым лицом, вытащил из кобуры Беретту, поднял над головой и, не целясь, сделал несколько выстрелов в сторону противников.

На несколько секунд стрельба прекратилась, но потом возобновилась с двойной силой, потому что Саша точно определил для врагов свое местоположение. Пули уже раздробили стол надвое, и Саше пришлось отползти дальше к стене. Потрясенные инерционной силой пуль стулья падали на него, со столов сыпались осколки стеклянных ваз и хрустальных бокалов, и в один момент прямо перед его носом в пол воткнулся столовый нож для рыбы. Амелия приучала его к этикету за столом, но он был отвратительным учеником и ел все одной вилкой, он просто терялся в количестве приборов, предназначенных для одной трапезы. Но вот рыбные приборы он запомнил по странной форме.

– Где же ты, генерал? – прошептал Саша, чувствуя, что вскоре из него сделают филе.

Словно в ответ на его мольбы, послышалась еще одна автоматная очередь. Она сильно отличалась от тех, что пускали боевики. Ровные партии выстрелов по три каждая с плавными переходами и четкими интервалами – прямо как по учебнику. Вот, что значит сила академических знаний в действии!

Почувствовав, что интенсивность стрельбы по Саше спадает, он смело встал на колени с выставленной вперед винтовкой и присоединился к атаке генерала. Исаяя, как и Саша, стоял на одном колене, поставив автомат на уровне глаз, и вел прицельный огонь. Он в одиночку разобрался с четырьмя боевиками, пока те не сообразили, что наиболее опытный в стрельбе диверсант прячется не за столами, а подобрался к ним сбоку. Они тотчас же сосредоточили огонь на нем.

Но Саша тоже был не промах, он словно представлял собой молодую версию Исаяи, и стрелял так же, как учили в армии: по три выстрела, контролируя отдачу. Он убил остальных двоих, пока они отвлекались на прячущегося среди столов генерала.

Саша уже перевел прицел на оставшихся вдалеке троих бойцов вражеского отряда, но, вдруг, понял, что тех и след простыл.

Через несколько секунд из-за столов вынырнул генерал. Оба мужчины были в легкой озадаченности. Судя по усиливающейся с каждой минутой стрельбой за стеной, оба поняли, что главное место действия – фойе. Очевидно, бойцы перешли на новый нерест попытать удачу там.

Генерал подошел к Саше, молча похлопал телохранителя по спине и снова кивнул.

Саша кивнул в ответ. Это было заразительно.

С каждой прожитой минутой здесь они все больше становились похожи друг на друга.

– Это – спланированная операция, и у нее есть главнокомандующий где-то в пределах досягаемости, – говорил Исаяя. – Заметил видеочкамеру на шлеме одного?

– Ее было трудно не заметить. Он, видимо, старший в отряде.

– И таких отрядов здесь должно быть ровно по количеству выходов из здания.

– И сколько здесь выходов?

Генерал напряг память, вспоминая строение Башни.

– Не меньше пяти, – ответил он.

– Шесть, если точнее... – прозвучал хриплый голос откуда-то сзади.

Оба мужчины тут же развернулись на сто восемьдесят градусов, выставив автоматы вперед и готовые нажать на курки.

Старик вскинул руки в воздух в жесте сдающегося.

– Не надо, пожалуйста! Вы так лихо разделались с террористами, что я подумал, вы – на нашей стороне!

Саша оглядел старика с ног до головы, было что-то знакомое в нем. Щуплый настолько, что кожа на щеках свисала складками ниже подбородка, при этом гравитация настолько оттягивала его нижние веки, что оголялась их внутренняя красная сторона, испещренная мелкими сосудами. Он очень походил на бассет-хаунда, и когда Саша понял это, он вспомнил старика.

– Фердинанд? – Саша удивленно вскинул брови.

Здесь погибло такое большое количество людей, гораздо моложе австрийца, а значит, сильнее и ловчее, что ему было простительно удивиться живучести престарелого метрдотеля.

Старик опустил руки довольный тем, что его признали, пригладил длинные пряди редких волос, которыми он прятал лысину на макушке, поправил черную бабочку на шее, отряхнулся и заговорил.

– Господин Саша, понравился ли госпоже Амелии наш фирменный завтрак, приготовленный шеф-поваром специально для нее? Яйца—пашот с копченым лососем и голландским сыром? Мы знаем, как она любит яйца-пашот!

Исайя переводил растерянный взгляд с одного на другого, пока не бросил его на грудь старика, где на лацкане смокинга был прикреплен бейдж с именем и должностью старика. Все стало ясно.

– Эм, да... спасибо... ей понравилось, – Саша чувствовал себя не в своей тарелке, потому что в фойе раздаются оглушительные взрывы гранат, мужчины кричат от боли и зовут на помощь, стрельба не прекращается ни на секунду и поверх всего этого хаоса, точно клубничка на торте, слышится нецензурная брань Дэсмонта, руководящего обороной. Честное слово, Саша начинал получать удовольствие от богатого нецензурного лексикона Дэса. А они тут ведут светские беседы о завтраке.

– Что ты говорил про выходы? – генерал прервал обмен любезностями.

– Фердинанд, это...

– Генерал Хармон! Я знаю всех наших важных гостей! – перебил престарелый австриец, будто его самолюбие только что чуть не уязвили.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Выходов шесть, – повторил старик.

– Но я знаю только о пяти: с каждой стороны здания плюс...

– Дополнительный черный вход для работников кухни. Все верно, генерал! Вы поразительно наблюдательный человек!

Похоже, тактичность и обходительность были прописаны в генах Фердинанда.

– А где же шестой? – генерал был нетерпелив, и Саша даже едва заметно усмехнулся от комичности сцены – бравый солдафон и миледи.

– Шестой выход – потайной. Он ведет из подвала гостиницы в подвал соседнего офисного здания, расположенного рядом с трансформаторной подстанцией. Господин Хаммель информировал о нем всех важных работников гостиницы для чрезвычайного случая.

Старик даже слегка выпятил грудь от распирающей гордости за то, что он был на первом счету у хозяина. Ну, точно собака-фриц.

Надежды генерала тотчас же испарились. Ему было откровенно наплевать, что боевики не знали о потайном выходе. Главное, что о нем совершенно точно не знала Ребекка, а значит, она до сих пор где-то в здании. Живая или мертвая.

– Генерал, покажите ему фотографию Вашей дочери! – Саша сообразил быстрее.

– Ах, да!

Исайя достал из кармана брюк телефон и начал неуклюже тыкать пальцами. Это Ребекка заставила его поменять привычную Нокию на смартфон, называя его старый телефон кирпичом. Всего через неделю использования пришлось менять тачскрин, потому что Исайя слишком сильно водил по нему пальцами, не понимая, что у телефона нет щелкающих кнопок. Генерал до сих пор не привык к современным гаджетам, хотя борьба с военной киберпреступностью становилась бичом последних лет, на заседаниях Комитета этот вопрос поднимался в шести случаях из десяти. Что сказать, он уже давно чувствовал, что его время подходит к концу, и в этом нет ничего ужасающего или срамного. Молодые специалисты, почему-то при этой мысли генерал взглянул на Сашу, росли уже совершенно в другом мире, воспитывались и готовились им для нынешних реалий. Придет время, когда и они будут казаться отсталыми для своих внуков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.